

exLegis

ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
электронный научный журнал

2026 №1

Содержание

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Издатель

Юридический институт
федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Главный редактор

Е. В. Шишмарева, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Заместитель главного редактора

О. В. Горбач, канд. экон. наук (г. Иркутск)

Ответственный секретарь

О. В. Радченко, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Редакционный совет:

О. П. Личичан, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
(председатель)

Н. В. Безик, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Б. Д. Дамдинов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
О. В. Костионина, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Р. В. Кравцов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Е. В. Кузнецов, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)
Л. А. Петрякова, преподаватель (г. Иркутск)
М. Г. Тирских, канд. юрид. наук, доц. (г. Иркутск)

Адрес учредителя:

664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
ФГБОУ ВО «ИГУ»
тел.: +7(3952) 52-19-00; факс: +7(3952) 24-22-38
e-mail: rector@isu.ru; website: isu.ru

Адрес редакции:

664082, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10
Юридический институт ИГУ
Журнал «ExLegis: правовые исследования»
тел.: +7(3952) 52-11-90; факс: +7(3952) 52-11-84
e-mail: exlegis@law.isu.ru
website: exlegis.ru

*Любые нарушения авторских прав
преследуются по закону.*

*Перепечатка материалов журнала допускается
только по согласованию с редакцией.
Рукописи, присланные в журнал, не возвращаются*

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-65676 от 13 мая 2016 г.
Выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Выходит 4 раза в год

Издается с 2016 года

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2026

Бородкина Л. С.

Юридический статус космического туриста в Российской Федерации:
анализ пробелов в правовом регулировании и пути их устранения 2

Будаев Б. Б.

Прокурорский надзор за органами и должностными лицами
местного самоуправления 8

Данилов И. О.

Уголовная ответственность членов научного сообщества за разглашение
государственной тайны: постановка проблемы 12

Кункурдонов А. О.

Беспилотные летательные аппараты как средство совершения
преступлений 15

Митрофанов М. Д., Шкаликова А. В.

Природа в качестве субъекта права в законодательстве Эквадора,
Новой Зеландии и Боливии 18

Ованесян А. Л.

К вопросу о формировании единого подхода к системе
принципов цивилистического процессуального права 23

Пчелинцев Н. А.

Криминалистическая характеристика диверсии 27

Труфанова Л. Р.

Сходства и различия прокурорского надзора и ведомственного контроля 31

Шевелев Р. В.

К вопросу реализации уголовных наказаний, не связанных с изоляцией
осужденного от общества (на примере обязательных и исправительных
работ) 34

Шмаленко С. А.

Уголовное наказание и принудительные меры медицинского характера
в борьбе с педофилией. Эффективность и проблемы реализации
химической кастрации 40

Юридический статус космического туриста в Российской Федерации: анализ пробелов в правовом регулировании и пути их устранения

© Бородкина Л. С., 2026

Л. С. Бородкина

Студент 4-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: lyubovvborodkina@yandex.ru

Научный руководитель:

А. В. Колосов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: Lex.x@mail.ru

Аннотация. Исследуется правовой статус космического туриста в Российской Федерации. Рассматриваются актуальные нормы международного, российского космического и туристического права. Выявляются основные аспекты правовой характеристики и требований к космическим туристам, анализируются нормы национального законодательства касательно рисков, страхования полетов и пассажиров, а также аспекты ответственности.

Ключевые слова: космос, космическая деятельность, космический турист, суборбитальный полет.

В результате конвергенции научных и социально-экономических предпосылок, преследуя цель демократизации доступа к космосу, частные и государственные организации предлагают космические путешествия в формате пребывания на борту орбитальных объектов или же кратковременные орбитальные и суборбитальные полеты, составляющие область космического туризма.

Начало второй четверти XXI в. ознаменовалось активизацией деятельности в сфере космического туризма, связанной с участием в космических полетах лиц, не обладающих статусом профессиональных космонавтов. Так, в апреле 2025 г. суборбитальный космический корабль New Shepard, функционировавший в полностью автоматическом режиме, совершил полет с шестью женщинами-туристами на борту. Продолжительность пребывания в космическом пространстве составила 11 мин, завершившихся успешной посадкой аппарата.

В свою очередь, уже в 2026 г. госкорпорация «Роскосмос» планирует осуществить запуск пилотируемого корабля серии «Союз» с туристами на борту для десятидневной экспедиции на Международную космическую станцию (МКС) [1].

Практика коммерческих космических полетов получила развитие еще в начале XXI в. В 2001 г. «Роскосмос» и туристическая компания Space Adventures заключили соглашение об осуществлении коммерческих космических полетов на МКС. С 2001 по 2009 г. в рамках данного сотрудничества было осуществлено восемь краткосрочных туристических экспедиций на российский сегмент станции с использованием кораблей серии «Союз ТМ-32», что ознаменовало формальное становление сферы космического туризма как особого направления в освоении космоса.

С точки зрения правового регулирования представляется целесообразным рассматривать институт космического туризма в рамках международного космического права, а не туристического законодательства. Несмотря на то что космический туризм формально может быть отнесен к видам туризма, он выходит за рамки действия законодательства, регулирующего традиционные формы туристической деятельности. Данный факт обусловлен в первую очередь спецификой объектов регулирования, уровнем технологических и финансовых требований, а также особым статусом космического пространства, имеющего международно-правовой режим.

Вышеизложенное может быть объяснено спецификой предмета правового регулирования, закрепленного в Федеральном законе от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» [2]. В соответствии с положениями указанного нормативного акта его основная цель заключается в определении принципов государственной политики, направленной на формирование правовых основ единого туристского рынка в пределах территории Российской Федерации. Федеральный закон регулирует отношения, возникающие при реализации гражданами РФ, а также иностранными гражданами и лицами без гражданства права на отдых, свободу передвижения и иные сопутствующие права, связанные с осуществлением туристских поездок. Кроме того, он определяет порядок рационального использования туристских ресурсов страны.

Таким образом, сфера действия Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» ограничена рамками внутреннего туристского рынка и не охва-

тывает отношения, возникающие за пределами юрисдикции Российской Федерации, в частности в космическом пространстве. Космический туризм, будучи формой участия физических лиц в космических полетах, осуществляется в правовом режиме, существенно отличающемся от того, который регулируется нормами туристского законодательства. Космическое пространство, в силу его международного правового статуса, регулируется нормами международного космического права, а также национальными правовыми актами, относящимися к вопросам освоения и использования космоса.

Итак, космический туризм представляет собой коммерческую деятельность, направленную на предоставление услуг по осуществлению частных космических полетов лицам в исследовательских, образовательных и развлекательных целях, не связанных с профессиональной космической деятельностью.

В Российской Федерации действует основополагающий нормативный правовой акт, регулирующий фактически все существующие отношения, обремененные космическим элементом. Статья 2 Закона РФ от 20 августа 1993 г. № 5663-1 «О космической деятельности» [3] регламентирует космический туризм как «иной вид деятельности, осуществляемой с помощью космической техники».

Однако космический туризм, будучи частью коммерческой космической деятельности, имеет гибридную природу: он может осуществляться как государственной, так и частной организацией. Национальная принадлежность судов, зарегистрированных или учтенных в Российской Федерации, четко регламентирована. Государство сохраняет юрисдикцию и контроль над любым членом экипажа пилотируемого космического аппарата, зарегистрированного в России [4]. Контроль со стороны государства охватывает все этапы полета, от наземных мероприятий до возвращения на Землю, включая внекорабельную деятельность во время пребывания в открытом космосе. Следовательно, юрисдикция над космонавтами, вне зависимости от их национальности, принадлежит государству, на борту которого они находятся в момент осуществления космических экспедиций. Что касается МКС, то правовой режим космической станции диктуется соглашениями, заключенными между партнерами касательно пребывания и полетов. Космопорты имеют такой же правовой статус, как и морские порты и аэропорты, и подчиняются юрисдикции того государства, на территории которого находятся [5].

Появление частной коммерческой космонавтики требует унификации общих правил и стандартов спасания космонавтов, пересмотра

вопросов ответственности за причинение вреда в результате космической деятельности и, безусловно, создания норм, регламентирующих деятельность не самих космонавтов, а именно космических туристов и «частных перевозчиков» [6, с. 27].

Международно-правовая регламентация оставила нововведения в XX в., когда был подписан Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (принят Резолюцией 2222 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 1966 г.), где понятие «космонавт» трактовалось как посланец человечества в космос [7, с. 10]. Развитие науки и техники внесло лепту в множественность классификаций лиц, побывавших в космосе, однако дальше правового статуса космонавта международное космическое право не сдвинулось. Сегодня под это определение подпадают и космические туристы, что не позволяет отграничить их правовой статус от правового статуса профессиональных космонавтов [8].

Статья 10 «Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах» рассматривает лиц, находящихся на Луне, как космонавтов в смысле Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, а также как членов космического экипажа в смысле Соглашения о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство. Приведенная норма не проясняет содержание правового статуса космических туристов, что еще раз подтверждает необходимость его определения.

В правовой литературе космический турист рассматривается как «человек, совершающий ознакомительные туры или путешествия в космос или околоземное пространство, именуемое геостационарной орбитой или через космос к небесному телу для удовольствия или отдыха» [9, р. 1597]. Космические туристы трактуются также как «люди, путешествующие на космическом корабле или космическом аппарате в космос, в космосе или через космос к пункту назначения в космосе, которые не имеют операционных обязанностей или трудовых отношений с собственником космического аппарата или космического объекта» [9, р. 1598]. Последнее определение представляется более удачным, поскольку подчеркивает, что у таких путешественников не должно быть трудовых отношений с собственником космического корабля или же профессиональным экипажем [10, р. 9].

Статья 20 Закона РФ «О космической деятельности» определяет правовой статус членов экипажа, в том числе эта норма относится к

участникам космического полета. Из нормы статьи становятся понятны права и обязанности каждого из членов экипажа и иных субъектов, изъявивших желание осуществить полет или находящихся на космическом объекте. Также регламентировано правовое положение иностранных граждан – они подчинены российскому законодательству.

Приказ Минтруда России от 4 июня 2018 г. № 359н «Об утверждении профессионального стандарта “Космонавт-испытатель” определяет основные цели деятельности космонавтов-испытателей, а также необходимые требования, предъявляемые к космонавтам. Стоит отметить, что часть требований касательно здоровья, знаний и правил поведения также зафиксирована в приказе и относится к универсальным требованиям к космическим туристам, астронавтам и космонавтам [11].

Статья 20 Закона РФ «О космической деятельности» закрепляет профессиональные и медицинские требования в отношении граждан Российской Федерации, выразивших желание участвовать в космических полетах. Граждане Российской Федерации, отвечающие установленным требованиям, отбираются на конкурсной основе для прохождения специальной подготовки и осуществления космических полетов. Указанные нормы касаются именно космонавтов, правовой статус которых определяется Положением о космонавтах Российской Федерации, утвержденным постановлением Правительства РФ от 10 мая 2017 г. № 551 [12].

Пункт 5 ст. 20 Закона РФ «О космической деятельности», касающийся граждан иностранных государств, не называет их космонавтами, а использует терминологию, которая может применяться и к космическим туристам: «проходящие подготовку к космическому полету» или «участвующие в полете на пилотируемом космическом аппарате Российской Федерации» [13]. Единственное требование в отношении таких лиц – соблюдение российского законодательства на территории Российской Федерации и норм международного права непосредственно на МКС. Однако приведенная норма имеет ряд существенных пробелов, усложняющих трактовку понятия космического туриста. Во-первых, она не распространяется на граждан Российской Федерации, а во-вторых, не охватывает случаи нахождения на небесных телах, следовательно, таких лиц нельзя назвать «участниками полета».

Если космическое право ответа на вышеизложенные вопросы не дает, тогда обратимся к туристическому праву. В Общей резолюции Конференции ООН по международному туризму и путешествиям «Развитие туризма» временные посетители других стран, в зависимости от

времени их пребывания, делятся на туристов – лиц, чье пребывание продолжается более 24 ч, и экскурсантов – лиц, чье пребывание длится менее 24 ч [14].

Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» следует той же логике: под туристом понимается «лицо, посещающее страну (место) временного пребывания в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания, на период от 24 часов до 6 месяцев подряд или осуществляющее не менее одной ночевки в стране (месте) временного пребывания».

Таким образом, при продолжительности космического полета менее 24 часов лицо, отправившееся в полет, не может называться «туристом», а только «экскурсантом». Соответственно, данное понятие может применяться к лицам, осуществляющим суборбитальные полеты, так как их нахождение в пространстве орбиты длится несколько десятков минут.

Учитывая вышеизложенное, под космическим туристом предлагается понимать лицо, находящееся в космическом пространстве, в том числе на небесном теле, в течение 24 ч и более, не состоящее в трудовых отношениях с собственником космического аппарата или космической платформы и не имеющее обязанностей, связанных с обеспечением их миссии.

Так как российское законодательство не имеет четкой регламентации космического туризма, а исходя из смысла норм Федерального закона от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», в котором космический туризм отнесен к иным видам туризма, с туристами, желающими посетить МКС и побывать на борту космического корабля, должен быть заключен договор возмездного оказания услуг с туроператором.

Логично предположить, что в контексте услуг космического туризма в лице заказчиков выступают физические лица, соответственно, к отношениям сторон, помимо вышеупомянутых правовых актов, также будет применяться Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей». Положения ст. 4 данного закона обеспечивают право потребителя на информацию, исполнитель в этой части договора передает информацию о программе пребывания на космодроме, ценах и условиях оплаты, сроках оказания услуги, рисках и форс-мажорах [15]. Право потребителя на безопасность услуги также имеет место в тексте договора, исполнитель конкретно прописывает потенциальные риски.

Анализ текста вышеизложенного закона демонстрирует применение принципа свободы договора в полной мере, помимо положений, относящихся непосредственно к возмездному оказанию услуг и вышеперечисленному перечню услуг, наблюдаются элементы иных гражданско-правовых договоров, а именно:

1) договора перевозки, элементы которого прослеживаются в положениях о доставке туристов к месту старта;

2) договора аренды, смысл которого закреплен в положениях о предоставлении жилья для туристов и оборудования.

Говоря о космическом туризме в перспективе его развития как одного из видов туризма, логично предположить, что объектами страхования выступают жизнь и здоровье пассажира.

Согласно Федеральному закону от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» основной формой обеспечения безопасности туристов при временном пребывании за рубежом является страхование. При этом страховым полисом должны предусматриваться оплата медицинской помощи туристам и возмещение иных имущественных расходов при наступлении страхового случая.

По договоренности с партнером российский страховщик определяет объем услуг страхового спектра, а предоставление их обеспечивает компания-ассистанс. Страхование производится на конкретный вид страхового события, которые разрабатываются каждой организацией индивидуально по согласованию с федеральным органом исполнительной власти по надзору за страховой деятельностью.

Думается, что специфичностью туризма в космосе является страхование, которое не может носить добровольный характер. И, скорее всего, является обязательным условием осуществления такого полета.

Соответствующего страхования и норм, прямо регулирующих этот порядок в контексте космических путешествий, на сегодняшний день не существует ни в отечественном, ни в ином другом правопорядке, включая европейские страны, США и ОАЭ.

По этапам космической миссии разделяют: страхование запуска; страхование на орбите; страхование возвращения.

Страхование запуска – это вид космического страхования, при котором объектами страхования выступают ракеты, грузы и космические аппараты, используемые при запусках и имеющие риски, связанные с неудачными запусками [16, с. 280]. Страхование на орбите заключается в защите от потерь, связанных с повреждением или уничтожением спутников в процессе их эксплуатации, а также в покрытии рисков, связанных с

жизнью и здоровьем космонавтов во время полетов [17]. Страхование возвращения обеспечивает защиту в случае неудачного возвращения космических аппаратов на Землю. В целом космическое страхование похоже на авиационное страхование. Существует страхование корпуса и страхование ответственности. Страхование корпуса покрывает ущерб корпусу самой ракеты или спутника, а страхование ответственности покрывает ущерб, причиненный застрахованным объектом другим людям или имуществу. Однако одно из самых больших различий между авиационным страхованием и космическим заключается в возможности приобретения страховки для пассажиров. В настоящее время программы космического страхования распространяются лишь на само судно и все, что им перевозится.

С ростом популярности космического туризма вопросы ответственности стали основным предметом внимания государственного, частного секторов, пассажиров и юридических экспертов. Космические путешествия несут с собой новые риски, которые традиционное авиационное право не охватывает в полной мере.

Перед тем как отправиться в космический туристический полет, пассажиры подписывают отказы, признающие риски. Эти отказы направлены на защиту компаний от ответственности в случае несчастных случаев или травм. Однако эффективность этих отказов остается неопределенной [18, с. 111].

Согласно ст. 6 Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела «государства – участники Договора несут международную ответственность за национальную деятельность в космическом пространстве, независимо от того, осуществляется ли такая деятельность государственными учреждениями или неправительственными организациями» [7]. Таким образом, в контексте космического туризма государство, из которого осуществляется запуск космического корабля, несет ответственность за деятельность частных космических компаний, работающих в пределах его юрисдикции.

Однако в данном Договоре по космосу не указано, как следует урегулировать ответственность в случае аварии, произошедшей с космическим туристом или экипажем. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г. (далее – Конвенция об ответственности) перечисляет режимы, которые могут применяться в отношении ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами. Согласно этой конвенции государство, осуществившее запуск, несет ответственность за ущерб, причиненный

его космическими объектами на поверхности Земли или воздушным судам в полете, а также за ущерб, причиненный в других местах, например в космическом пространстве, если ущерб причинен по его вине или по вине лиц, за которых оно несет ответственность [19].

Опять же в отношении космического туризма возникает вопрос о том, кто будет нести ответственность в случае аварии и как можно установить такую ответственность. Если космический турист получит травму во время коммерческого космического полета, кто будет нести ответственность за ущерб: государство, запустившее ракету, или частная компания, эксплуатирующая космический корабль? Ответы на эти вопросы не будут однозначными и будут полностью зависеть от обстоятельств каждого отдельного случая и законов, регулирующих такую ответственность. Что касается определения ответственности, то одной из самых больших проблем, связанных с авариями в сфере космического туризма, является вопрос вины. Ответственность, по традиции, в общем авиационном законодательстве основывается на вине. Субъект, что стал причиной аварии, будет нести ответственность за причиненный ущерб. В то время как режим ответственности, установленный Конвенцией об ответственности, применяется в случае ущерба, нанесенного космическими объектами, такими как спутники или космические корабли, он практически не учитывает травмы или смерть, вызванные деятельностью в сфере космического туризма. Таким образом, возникает вопрос о применимости данной Конвенции к несчастным случаям, связанным с космическим туризмом, и о том, требуются ли дополнительные правовые нормы для устранения конкретных рисков, связанных с этой новой отраслью.

Так, в рамках исследования были подробно изучены вопросы правового статуса космических туристов и космических экскурсантов, вопросы страхования космических аппаратов и экипажа, обозначен круг субъектов космической ответственности.

Настоящее исследование выявило правовые пробелы в международном и национальном космическом праве, регулирующем статус космических туристов, связанные с отсутствием единого определения и четкого разграничения статуса профессионального космонавта и туриста как на международном, так и на национальном уровнях.

Кроме того, в ходе исследования была изучена специфика суборбитальных полетов, а именно временные ограничения, предел кото-

рых не превышает 24 ч, следовательно, и статус участников полета не подпадает под определение космического туриста, а в соответствии с Федеральным законом № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» они являются экскурсантами.

Анализ национального законодательства о космической деятельности также требует реформирования и внесения поправок. Во-первых, в Законе РФ «О космической деятельности» туризм упоминается косвенно со ссылкой на Закон РФ «О туристической деятельности», и ни в одном из актов не имеется понятийного аппарата и не раскрывается специфика деятельности, в связи с чем в Российской Федерации космическим туризмом именуется деятельность по пребыванию на территории космодрома без полетов. Во-вторых, Закон РФ «О космической деятельности» не регламентирует отдельных требований к космонавтам-туристам, имеющиеся требования были разработаны для профессиональных космонавтов, осуществляющих профессиональную деятельность, и не учитывают характера туристических полетов. В-третьих, ни в одном из правовых актов о космической деятельности, туристической деятельности, страховании нет норм эффективных механизмов страхования космических туристов и экскурсантов, отсутствуют понятия страхового риска и страхового случая в пределах космического пространства и космического аппарата.

Думается, в первую очередь необходимо пересмотр действующих международных актов, которые существенно устарели и отстают от стремительно развивающейся отрасли. Устранение правовых прорех требует закрепление новых принципов космического права, а именно принципа обязательного страхования участников космических полетов и принципа ответственности оператора, требуется регламентация отсутствующих понятий, четкое определение правового статуса участников космических правоотношений на национальном и международном уровнях. В лучшем случае, с учетом глобализации космической деятельности, было бы логично создать и принять международный договор, регламентирующий космические полеты и космический туризм, куда следует включить нормы о правовом статусе субъектов космических полетов (турист, экскурсант, оператор, туроператор), обязательные требования к кандидатам, разработанные для космических туристов, ввести механизм обязательного страхования туристов, принять нормы о правах, обязанностях и ответственности.

Список литературы

1. Запуск «Союз-21А»: детали миссии российских и американских космонавтов. URL: <https://amulex.ru/daily/news/zapusk-soyuz-21a-detali-missii-rossijskih-i-amerikanskih-kosmonavtov-bjff4kf/> (дата обращения: 10.06.2025).
2. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 24 нояб. 1996 г. № 132-ФЗ // Российская газета. 1996. № 231.
3. О космической деятельности : закон РФ от 20 авг. 1993 г. № 5663-I // Российская газета. 1993. 6 окт.
4. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ // Российская газета. 1997. 26 марта.
5. О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3833.
6. Международное космическое право: общие для России и США вызовы и перспективы / П. А. Беркман, А. Н. Вылегжанин, М. Р. Юзбашян, Ж. Модои // Московский журнал международного права. 2018. № 1. С. 16–34.
7. Договор 1967 года о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая луну и другие небесные тела (Договор о космическом пространстве). Принят генеральной Ассамблеей 19 дек. 1966 г. в соответствии с резолюцией 2222 (XXI) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. М., 1970. С. 10.
8. O'Brien Z. N. Liability for Injury, Loss or Damage to the Space Tourist // Proceedings of the Colloquium on the Law of Outer Space. 2004. Vol. 47. P. 386.
9. Masson-Zwaan T. L., Freeland S. Between heaven and earth: The legal challenges of human space travel // Acta Astronautica. 2010 Vol. 66, Iss. 11–12. P. 1597–1607. DOI: 10.1016/j.actaastro.2009.12.015.
10. A Guide to Space Law Terms / ed. by H. R. Hertzfeld. Washington : Space Policy Institute (SPI) ; George Washington University and Secure World Foundation (SWF), 2012. P. 9.
11. Об утверждении профессионального стандарта «Космонавт-испытатель» : приказ М-ва труда России от 4 июня 2018 г. № 359н // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
12. Об утверждении Положения о космонавтах Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 10 мая 2017 г. № 551 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 21. Ст. 3004.
13. О космической деятельности : закон РФ от 20 авг. 1993 г. № 5663-I // Российская газета. 1993. 6 окт.
14. Общая резолюция Конференции ООН по международному туризму и путешествиям (Рим, 1963 г.). Принята Конференцией Организации Объединённых Наций по международному туризму и путешествиям в 1963 г. // Документы Организации Объединённых Наций. Рим, 1963. С. 10.
15. О защите прав потребителей : закон РФ от 7 февр. 1992 г. № 2300-I // Российская газета. 1992. 7 апр.
16. Махоткин А. А. Инновационные процессы в развитии космических и стратосферных БПЛА // Управление организационно-экономическими системами : сб. тр. науч. семинара студентов и аспирантов Ин-та экономики и управления. Самара, 20–25 нояб. 2024 г. С. 279–282.
17. Spaceflights for Richard Branson and Jeff Bezos spur a race for insurers, too. Retrieved // The New York Times. 2021 July 9.
18. Шонин Е. Н. Международно-правовые проблемы освоения космоса // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 75-3. С. 110–114.
19. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 29 марта 1972 г. в г. Нью-Йорк // Сборник действующих международных договоров. Нью-Йорк, 1972. С. 1.

Прокурорский надзор за органами и должностными лицами местного самоуправления

© Будаев Б. Б., 2026

Б. Б. Будаев

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: budayev_bator03@mail.ru

Научный руководитель:

О. П. Бузько, старший преподаватель кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: olga-buzko@mail.ru

Аннотация. Анализируются конституционные и законодательные основы прокурорского надзора за органами и должностными лицами местного самоуправления. Исследуются организация и методы осуществления надзора в муниципальной сфере, формы прокурорского реагирования на нарушения закона и роль прокуратуры в судебном контроле за решениями и бездействием органов местного самоуправления. Рассматриваются типичные нарушения в сфере муниципального нормотворчества и при реализации возложенных полномочий, а также проблема соотношения активности прокурора и принципа самостоятельности местного самоуправления. Отдельное внимание уделяется вопросам эффективности надзорной деятельности, рискам формального подхода к проверкам и влиянию риск-ориентированного подхода, закрепленного в законодательстве о государственном и муниципальном контроле.

Ключевые слова: прокурорский надзор, местное самоуправление, органы местного самоуправления, должностные лица местного самоуправления, муниципальные правовые акты, законность, риск-ориентированный подход, государственный и муниципальный контроль.

Конституционный статус местного самоуправления задает общую основу прокурорского надзора за органами и должностными лицами муниципального уровня. Статья 12 Конституции РФ закрепляет признание и гарантию местного самоуправления, а гл. 8 (ст. 130–132) раскрывает его как форму публичной власти, через которую население самостоятельно решает вопросы местного значения и распоряжается муниципальной собственностью. Поправки 2020 г. дополнили эти положения нормой о включении органов местного самоуправления в единую систему публичной власти, что прямо установлено в ч. 3 ст. 132 Конституции РФ [1]. Тем самым Конституция одновременно подчеркивает организационную и имущественную самостоятельность муниципальных образований и их место в общей системе публичного управления, соблюдение законности в которой прокуратура обязана контролировать.

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131-ФЗ) длительное время оставался главным законом, развивающим конституционные положения о местном самоуправлении [2]. Он устанавливал общие правовые, территориальные, организационные и экономические основы местного самоуправления, виды муниципальных образований, систему органов, формы участия населения и вопросы местного значения. После принятия Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принци-

пах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – ФЗ № 33-ФЗ) ключевые главы ФЗ № 131-ФЗ, регулирующие общие положения, территориальную организацию, систему органов и должностных лиц, экономическую основу, утратили силу с 19 июня 2025 г. [3]. Вместе с тем закон продолжает действовать до 1 января 2027 г. в части гл. 3 «Вопросы местного значения» (за исключением отдельных норм). Поэтому прокурор, оценивая законность актов муниципальных органов, должен учитывать действующие нормы ФЗ № 131-ФЗ о компетенции по решению вопросов местного значения и одновременно применять новые предписания ФЗ № 33-ФЗ.

ФЗ № 33-ФЗ занимает теперь центральное место в системе регулирования статуса муниципального уровня. Он опирается на конституционный принцип единой системы публичной власти и определяет правовые, территориальные и организационные основы местного самоуправления с учетом его взаимодействия с органами государственной власти. В законе закрепляется правовая база местного самоуправления (Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, федеральные и региональные законы, уставы муниципальных образований), уточняются формы участия граждан и структура органов местного самоуправления. Для прокурорского надзора это означает переход от ориентации преимущественно на ФЗ № 131-ФЗ к использованию ФЗ № 33-ФЗ как основного ориентира при оценке законности

организационных решений и правовых актов органов местного самоуправления [4, с. 56].

Конституционное закрепление статуса прокуратуры образует второй важный элемент нормативной основы надзора. Статья 129 Конституции РФ определяет прокуратуру РФ как единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, а также надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры отнесены к сфере регулирования Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ № 2202-1). Эти положения относятся ко всей системе публичной власти, включая органы местного самоуправления, и тем самым определяют прокурорский надзор за муниципальными органами как надзор за частью публичной власти, действующей на местном уровне.

ФЗ № 2202-1 развивает конституционные нормы и прямо относит органы местного самоуправления к числу объектов надзора [5]. В ст. 21, посвященной надзору за исполнением законов, органами прокуратуры названы в числе иных субъектов органы местного самоуправления и их должностные лица. Статья 26, устанавливающая предмет надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, также включает органы местного самоуправления в перечень органов и организаций, чья деятельность подлежит проверке со стороны прокуратуры. Одновременно законодатель подчеркивает, что органы прокуратуры не подменяют другие органы контроля и не вмешиваются в оперативно-хозяйственную деятельность организаций, что задает пределы вмешательства прокурора в сферу муниципального управления.

Нормативную базу прокурорского надзора дополняют подзаконные акты Генеральной прокуратуры РФ, которые конкретизируют организацию работы прокуроров в отношении органов местного самоуправления. Показателен, в частности, приказ Генерального прокурора РФ от 31 августа 2023 г. № 583 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления» [6]. Подобные приказы регулируют порядок планирования и проведения проверок, требования к анализу муниципальных правовых актов, формы прокурорского реагирования и взаимодействие с органами государственной власти и местного самоуправления. При этом они не расширяют полномочия прокуратуры, а реализуют положения Конституции РФ и ФЗ № 2202-1, обеспечивая единооб-

разное применение федеральных норм в практической деятельности прокуроров.

Практическую работу по надзору в муниципальной сфере ведут прежде всего прокуроры субъектов РФ, а также городские и районные прокуроры. Генеральная прокуратура РФ формулирует общие подходы в приказах и методических рекомендациях, а территориальные прокуратуры учитывают их при организации работы, принимая во внимание структуру субъекта и систему поселений. Планируя деятельность, органы прокуратуры составляют планы проверок, выделяют приоритетные направления (жилищно-коммунальное хозяйство, земельные отношения, градостроительство, социальная сфера) и используют сведения контрольных органов и обращения граждан. Планирование позволяет увязать закрепленные в законе полномочия с регулярной проверкой наиболее проблемных сфер муниципального управления.

Методы осуществления надзора в отношении муниципальных органов в последние годы изменяются под влиянием законодательства о государственном и муниципальном контроле. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» ввел риск-ориентированный подход, установил более жесткие требования к плановым проверкам и предусмотрел согласование значительной части контрольных мероприятий с органами прокуратуры [7]. В результате прокурорские проверки органов местного самоуправления все чаще опираются на анализ данных единого реестра видов контроля, информации контрольно-счетных органов, результатов мониторинга официальных сайтов муниципалитетов и обращений граждан. В этих условиях прокурор все чаще выполняет аналитические функции, выявляет зоны повышенного риска и использует свои полномочия в отношении конкретных ситуаций, а не инициирует большое количество проверок без учета их последствий.

Перечень типичных нарушений муниципальных органов в сфере нормотворчества остается относительно стабильным и регулярно отражается в обзорах Верховного Суда РФ и обобщениях практики Генеральной прокуратуры РФ. Прокуроры оспаривают муниципальные правовые акты, которые выходят за пределы компетенции органов местного самоуправления, устанавливают дополнительные по сравнению с федеральными и региональными законами ограничения прав граждан и организаций либо приняты с нарушением установленной процедуры, в том числе без обязательных публичных слушаний или антикоррупционной экспертизы. Наиболее часто спорные вопросы связаны с ре-

гулированием землепользования и застройки, управлением муниципальным имуществом, установлением местных налогов и сборов, а также с актами в сфере жилищно-коммунальных услуг [8]. Существенная часть нарушений обусловлена решениями и бездействием органов местного самоуправления при исполнении возложенных на них полномочий. Суды нередко удовлетворяют иски прокуроров о признании незаконным бездействия администрации по предоставлению земельных участков, подключению объектов к коммунальной инфраструктуре, приему имущества в муниципальную собственность, исполнению публичных обязательств перед гражданами и организациями. В таких делах прокурор фактически инициирует судебный контроль за действиями муниципалитета, выступая от имени неопределенного круга лиц и защищая интересы жителей, которые не всегда готовы самостоятельно обратиться в суд. Подобная практика подтверждает, что прокурорский надзор дополняет, а не заменяет механизмы муниципального и ведомственного контроля.

Спорным остается вопрос о балансе между активностью прокурора и принципом самостоятельности местного самоуправления. ФЗ № 2202-І и постановление Правительства от 6 апреля 2023 г. № 15-П, в котором изложена позиция Конституционного Суда РФ, подчеркивают, что прокурор не вправе подменять органы контроля и управления и навязывать органам местного самоуправления конкретные управленческие решения. Вместе с тем в практике встречаются случаи, когда прокурор фактически предопределяет порядок распоряжения муниципальным имуществом или выбор способа организации коммунальных услуг, а муниципалитеты ссылаются при этом на нарушение их самостоятельности [9]. Такое противоречие особенно заметно в условиях реформы местного самоуправления и перераспределения полномочий между муниципальным и региональным уровнями.

Проблемы эффективности прокурорского надзора за муниципальной сферой связаны как с нагрузкой на органы прокуратуры, так и с характером выявляемых нарушений. Значительная часть актов прокурорского реагирования касается формальных дефектов муниципальных правовых актов или процедурных нарушений при принятии решений, тогда как более сложные вопросы финансового обеспечения полномочий и качества предоставляемых услуг оказываются менее исследованными. В научной лите-

ратуре обращается внимание на избыточную ориентацию на количественные показатели – число протестов и представлений – в ущерб оценке реальных изменений в практике органов местного самоуправления, что снижает профилактический эффект надзора и создает риск формального подхода к проверкам [10, с. 89].

Обсуждаемые направления развития прокурорского надзора за муниципальным уровнем связаны с уточнением пределов вмешательства и усилением аналитической работы. Ряд авторов предлагает точнее закрепить в ФЗ № 2202-І основания и порядок проведения проверок органов местного самоуправления, увязать их с критериями риска и данными систем государственного и муниципального контроля. Отмечается необходимость расширения практики правовой и антикоррупционной экспертизы проектов муниципальных правовых актов до их принятия, более широкого использования информационных технологий для мониторинга муниципальных решений, а также построения взаимодействия с органами местного самоуправления на основе регулярного обмена информацией при сохранении независимости прокурора [11, с. 223]. Эти подходы не требуют изменения конституционной модели, но позволяют перенести внимание с реагирования на уже допущенные нарушения на более раннее выявление правовых рисков в деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления.

Проведенный анализ показывает, что прокурорский надзор за органами и должностными лицами местного самоуправления опирается на разветвленную систему конституционных, законодательных и ведомственных норм и играет ключевую роль в обеспечении законности на муниципальном уровне. Вместе с тем практика выявляет устойчивые проблемы, такие как преобладание формальных нарушений в предмете реагирования, высокая нагрузка на органы прокуратуры и возникающие конфликты между активностью прокурора и принципом самостоятельности местного самоуправления, особенно в условиях реформы и перераспределения полномочий. С учетом внедрения риск-ориентированного подхода и цифровых инструментов необходимо смещение акцента с количественных показателей к качеству надзорной деятельности, усиление аналитической и профилактической составляющих, а также более точное нормативное закрепление пределов вмешательства прокуратуры в муниципальную сферу.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г.) (с учетом поправок от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-

- ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 5-ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 6-ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 7-ФКЗ, от 4 окт. 2022 г. № 8-ФКЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ» (в ред. от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ) // Российская газета. 2003. 8 окт.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти : федер. закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ // Российская газета. 2025. 26 марта.
4. Усов А. Ю. Прокурорский надзор за соответствием законам правовых актов : учеб. пособие. Иркутск : Иркут. юрид. ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры РФ, 2023. 78 с.
5. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 3 февр. 2025 г. № 5-ФЗ) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. 20 февр.
6. Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления : приказ Генеральной прокуратуры РФ от 31 авг. 2023 г. № 583. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407532892/> (дата обращения: 25.11.2025).
7. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (в ред. от 24 июня 2025 г. № 169-ФЗ) // Российская газета. 2020. 5 авг.
8. Решения высших судов РФ, конституционных советов субъектов РФ. Обзор судебной практики о местном самоуправлении от 7 июля 2023 г. № 2(30). URL: https://asmobel.ru/media/site_platform_media/2023/7/20/obzorsudebnoypraktikis010423gro300623.pdf (дата обращения: 24.11.2025).
9. По делу о проверке конституционности абзаца девятого пункта 2 статьи 1, абзацев первого и второго пункта 1 и предложения первого пункта 2 статьи 21, пункта 2 статьи 22 и пункта 3 статьи 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», абзаца второй части 6 статьи 28.3 и предложения второй части 1 статьи 28.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также пункта 1 части 3 статьи 16.5 Закона города Москвы «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» в связи с жалобой гражданина П. Н. Лакина : постановление Конституционного Суда РФ от 6 апр. 2023 г. № 15-П. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_444269 (дата обращения: 25.11.2025).
10. Сенникова А. А., Абакумов Д. В. К вопросу о прокурорском надзоре в деятельности органов местного самоуправления // Вопросы российской юстиции. 2020. № 10. С. 88–93.
11. Петракова А. С., Васильев А. А., Валенцев В. А. Отдельные вопросы реализации прокурорского надзора за деятельностью органов местного самоуправления: теоретико-правовой аспект // Аграрное и земельное право. 2025. № 4. С. 220–224.

Уголовная ответственность членов научного сообщества за разглашение государственной тайны: постановка проблемы

© Данилов И. О., 2026

И. О. Данилов

Магистрант 1-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: iladanilov948@gmail.com

Научный руководитель:

Р. А. Забавко, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: zrairk@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются проблемные вопросы, касающиеся возможного разглашения сведений, составляющих государственную тайну при осуществлении международных контактов членами научного сообщества. Особое внимание уделяется привлечению ученых к уголовной ответственности за нарушение режима государственной тайны при их сотрудничестве с иностранными коллегами. Изучается проблема предупреждения необоснованного привлечения данных лиц к уголовной ответственности.

Ключевые слова: государственная тайна, международное научное сотрудничество, уголовная ответственность, члены научного сообщества, Российская Федерация.

Международное сотрудничество является неотъемлемой частью стремительно развивающегося мира. Оно охватывает различные сферы: экономику, право, культуру. В том числе сотрудничество между представителями из разных стран осуществляется и в области науки. Это связано с тем, что иногда выдающиеся научные достижения достигаются лишь усилиями исследователей из разных стран, о чем пишет А. А. Костригин, который выделяет как одну из форм международного научного сотрудничества совместные научные публикации [4, с. 2].

Развитие международного научного сотрудничества является ключевым аспектом в достижении значимых и признаваемых международным сообществом научных результатов, что верно подмечает С. В. Терехова [5, с. 10].

Продуктивное научное сотрудничество выгодно не только международному научному сообществу, но и отдельно Российской Федерации как самостоятельному субъекту международных отношений, ведь такое сотрудничество позволит ей преодолеть вызовы стремительно развивающегося мира и занять лидирующие позиции в международной сфере, такой вывод можно сделать, анализируя работу А. Н. Гулемина, раскрывающего важность международного научного сотрудничества в сфере информационных технологий [6, с. 49].

Научное международное сотрудничество – неотъемлемая часть глобализованного мира, в котором обмен знаниями, технологиями и инновациями способствует прогрессу и решению важнейших мировых проблем. Однако в условиях современного геополитического климата, где безопасность государства и защита национальных интересов выходят на первый план, сотрудни-

чество ученых с зарубежными коллегами может быть воспринято как угроза. В Российской Федерации уголовное преследование за научное международное сотрудничество стало актуальной темой, особенно в последние десятилетия, когда наблюдается тенденция к усилению контроля над деятельностью исследовательских и образовательных учреждений.

Законодательство России в области охраны государственной безопасности все чаще используется для преследования ученых и исследователей, работающих в международных проектах. При этом возникают серьезные проблемы, связанные с реализацией уголовного преследования в этой сфере.

Корень данных проблем кроется в правовой неопределенности. Российское законодательство не всегда четко определяет, какая именно деятельность ученых может быть расценена как угроза национальной безопасности. Законодательные нормы, направленные на защиту государственной тайны, имеют широкие и неопределенные формулировки, что открывает возможности для излишней интерпретации этих норм в процессе правоприменения [2].

Существование таких неопределенностей создает риск для допущения следственных или судебных ошибок, которые как раз таки, как пишет А. Д. Назаров, могут заключаться в неправильном истолковании закона, что может привести к его расширительному толкованию [7, с. 27].

Статьи УК РФ [1], определяющие ответственность за нарушение режима государственной тайны, а именно ст. 275 (государственная измена) и 283 (разглашение государственной тайны), имеют общие и расплывчатые формулировки, что позволяет правоприменителям

расширять их применение и использовать против ученых, занимающихся международным сотрудничеством, даже если их деятельность не имеет отношения к разглашению государственной тайны. Например, передача научных результатов иностранным коллегам без соответствующего разрешения может быть расценена как угроза государственным интересам, хотя в исследовательской сфере это может быть обычным научным обменом.

Эта неопределенность создает значительные риски как для Российской Федерации в целом, так как разглашение сведений, составляющих государственную тайну, может причинить серьезный ущерб ее национальным интересам, так и для исследовательского сообщества, так как ученые могут не осознавать, что их действия могут привести к уголовному преследованию, что нанесет удар их научной свободе и научному прогрессу государства.

Судебно-следственную практику по делам такой категории найти довольно сложно ввиду закрытости информации, но если ориентироваться на публичные источники, а именно сайт Государственного информационного агентства России (Tass.ru), то в качестве примеров таких ситуаций можно привести уголовные дела Анатолия Губанова и Валерия Голубкина, сотрудников Центрального аэрогидродинамического института им. профессора Н. Е. Жуковского и преподавателей Московского физико-технического института, которые были привлечены к уголовной ответственности за государственную измену при сотрудничестве со своими коллегами из Нидерландов. Ученые работали над проектом по созданию пассажирского гиперзвукового самолета и, по данным следствия, в двух отчетах по проектам, которые по указанию Губанова Голубкин передал ученым из Нидерландов, содержались сведения, составляющие государственную тайну, что причинило вред государственным интересам Российской Федерации. По данным из открытых источников, государственное обвинение запросило для Голубкина наказание в виде 12 лет лишения свободы [3].

Основания уголовной ответственности за государственную измену определяется с учетом норм федерального законодательства.

Большинство уголовных дел рассматриваемой категории относятся к сведениям, составляющим государственную тайну, в связи с чем допуск к ним запрещен, и сделать репрезентативные выводы об обстоятельствах привлечения осужденных к ответственности затруднительно. Между тем известно, что единая процедура определения наличия (или отсутствия) сведений, составляющих государственную тайну, отсутствует, что затрудняет возможности ученых

публиковать результаты своих трудов и повышает риск быть подвергнутыми ответственности.

Также возможна ситуация, что ученый в случае разглашения государственной тайны может быть признан иностранным агентом. Т. С. Илларионова указывает на то, что согласно Федеральному закону № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» лицу придается статус иноагента только за политическую деятельность. Но, несмотря на это, историки, социологи и политологи также могут быть подвержены применению норм данного закона [8, с. 23].

Привлечение членов российского научного сообщества к уголовной ответственности может причинить серьезный ущерб отечественной науке, так как это может повлечь за собой отказ иностранных исследователей от сотрудничества с ними. Это, в свою очередь, лишает Россию ряда преимуществ, в качестве которых Г. В. Шепелев выделяет следующие: финансирование международной кооперации, получение доступа к иностранному оборудованию и материалам, а также доступ к зарубежной информации [9, с. 41].

Для предотвращения правовой неопределенности представляется необходимым разработать модель конструктивного диалога между научным сообществом России и правоохранительными органами. Суть такой модели заключается в тесном сотрудничестве исследователей с органами власти, которое будет выражаться в следующих формах:

1. Предварительное консультирование исследователей с органами государственной власти, направленное на оценку со стороны государства сведений, с которыми работает исследователь, и определение возможности делиться данными сведениями с иностранными коллегами.

2. Внедрение в законодательство РФ критериев, с помощью которых можно будет определить, относятся ли результаты научных исследований к категории стратегических, что делает их запрещенными для передачи иностранным исследователям, или к категории открытых, что позволяет обмениваться им без каких-либо ограничений.

3. Разработка специальных протоколов, содержащих в себе порядок действий российских исследователей при сотрудничестве с иностранными коллегами, например необходимость привлекать экспертов в области права, чтобы они оценивали результаты исследований путем анализа действующего законодательства или постоянно консультировались с представителями органов государственной власти, что отсылает к первому пункту данной модели.

Уголовное преследование за научное международное сотрудничество в России связано с

проблемой правовой неопределенности. Для того чтобы решить эту проблему, необходимо улучшить законодательство, сделать его более прозрачным и конкретным, а также укрепить систему защиты прав ученых. Без этого Россия

рискует потерять свою интеграцию в мировое научное сообщество и замедлить развитие технологий, что, в свою очередь, негативно скажется на ее экономическом и научном прогрессе.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 15.10.2025 № 378-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. О государственной тайне : закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (в ред. от 08.08.2024) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 38. Ст. 1480.
3. Хронология приговоров российским ученым по делам о госизмене // ТАСС : информ. агентство России. URL: <https://tass.ru/info/18120153> (дата обращения: 10.11.2025).
4. Костригин А. А., Калинин И. В. О международном научном сотрудничестве // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2017. № 1. С. 1–5.
5. Теребова С. В. Развитие международного сотрудничества в научно-исследовательской сфере // Проблемы развития территории. 2012. № 5 (61). С. 7–10.
6. Гулемин А. Н. Международное научно-техническое сотрудничество России в области информационных технологий // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 5. С. 49–57.
7. Назаров А. Д., Майорова Л. В. Следственные и судебные ошибки, связанные с неправильным применением уголовного закона и нарушениями его запретов // Сибирский юридический вестник. 2016. № 4. С. 27–33.
8. Иларионова Т. С. Россия в международном научном сотрудничестве сегодня // Этносоциум. 2024. № 1 (187). С. 19–27.
9. Шепелев Г. В. Международное научное сотрудничество – подходы к анализу ситуации // Управление наукой: теория и практика. 2022. № 2. С. 33–42.

Беспилотные летательные аппараты как средство совершения преступлений

© Кункурдонов А. О., 2026

А. О. Кункурдонов

Магистрант 1-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: kunkur.bbg@gmail.com

Научный руководитель:

О. В. Радченко, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: Radchenko.ov@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены способы совершения преступлений с помощью применения беспилотных летательных аппаратов, а также их виды и роль в совершении преступления, затронут вопрос о контроле за оборотом БПЛА, изготовленных в кустарных условиях.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат, средство совершения преступления, виды БПЛА, роль применения БПЛА в совершении преступления.

На сегодняшний день применение беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) становится повсеместным, их активно внедряют в различные сферы, как в военные, так и в гражданские. При помощи БПЛА доставляют грузы, проводят разведку местности, они применяются правоохранительными органами для контроля и наблюдения за потенциальной угрозой на различных мероприятиях. Однако растет количество случаев применения БПЛА в криминальной сфере.

Перед тем как рассмотреть вопрос применения БПЛА как средства совершения преступления, необходимо разобраться, что он из себя представляет. Согласно Воздушному кодексу РФ под БПЛА понимается в первую очередь воздушное судно, которое является беспилотной авиационной системой и управляется или контролируется в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот).

Иными словами, БПЛА – это летательный аппарат, т. е. воздушное судно, управляемое непосредственно пилотом на расстоянии при помощи каналов связи без присутствия самого пилота на борту такого воздушного судна.

Законодательством Российской Федерации БПЛА классифицируются в зависимости от веса и назначения. Так, ст. 33 Воздушного кодекса РФ регламентированы БПЛА в зависимости от максимальной взлетной массы:

- 1) до 0,15 кг – данные БПЛА не подлежат государственному учету и регистрации;
- 2) от 0,15 до 30 кг – данные БПЛА подлежат государственному учету;
- 3) более 30 кг – данные БПЛА подлежат государственной регистрации [7].

Законодательством Российской Федерации не выделены виды БПЛА в зависимости от их назначения, что, по нашему мнению, является

упущением, так как в связи с этим может возникнуть сложность определения типа при государственном учете или регистрации. Тем самым необходимо выделить следующую классификацию БПЛА, которая представлена в работе К. В. Бригадировой:

1. Информационные:
 - 1) разведывательные БПЛА, предназначенные для длительного мониторинга обширных территорий (например, для мониторинга метеоусловий);
 - 2) БПЛА-ретрансляторы, обеспечивающие связь между различными радиосигналами;
2. Имитационные:
 - 1) учебно-испытательные авиационные ложные цели (АЛЦ), которые имитируют различные воздушные судна;
 - 2) боевые АЛЦ, используемые военными с целью имитации воздушного судна для дезориентации противника;
3. БПЛА гражданского назначения, используемые для мониторинга, фото, видеосъемки и других мирных целей.
4. Боевые БПЛА:
 - 1) ударные;
 - 2) БПЛА радиоэлектронной борьбы;
 - 3) БПЛА истребители;
 - 4) вспомогательные БПЛА [1, с. 36].

Острым остается вопрос по контролю за оборотом БПЛА, которые изготовлены в домашних условиях. В зоне проведения СВО активно применяются БПЛА различных моделей и типов, из их числа широко используются FPV-дроны (First person view drone), схемы и чертежи сборок которых находятся в свободном доступе, что позволяет практически любому гражданину изготовить данное изделие и применять его в своих целях.

Гражданин при наличии специальных познаний в области радиотехники и электроники способен изготовить данное изделие в домашних условиях. При наличии нужных схем и чертежей, деталей, а также необходимых компонентов для сборки, которые находятся в свободном доступе, изготовление БПЛА не составит никакого труда, ввиду того, что они могут быть приобретены с помощью информационно-телекоммуникационной сети Интернет, изготовлены на 3D-принтере либо же кустарно. Таким образом, имея чертежи и схемы, а также компоненты для изготовления в виде лопастей и фюзеляжа, источника энергии, двигательной установки, систем управления и связи, а также съемочное оборудование, можно изготовить БПЛА и применить в своих целях.

Все это в значительной степени повышает угрозу совершения преступлений при помощи БПЛА и в первую очередь таких, как перевозка, распространение, сбыт наркотических средств, взрывчатых веществ, оружия и боеприпасов, акт диверсии или террористический акт на территории Российской Федерации. Требуется особое внимание вопросу, связанный с контролем за оборотом данных устройств, а также с разработкой тактики пресечения, расследования и предупреждения преступлений, средством которых является БПЛА.

Для многих преступлений характерно наличие такого обязательного элемента, как средство преступления. А. В. Наумов называет некоторые виды средств совершения преступлений. К ним он относит только те предметы внешнего мира (например, орудия, приспособления, химические вещества или другие предметы) либо физические процессы (например, электрический ток), которые использует преступник для воздействия на потерпевшего, предмет и объект преступления [6, с. 24].

Применение БПЛА резко возросло с 2023 г., что связано с проведением СВО. Именно с этого момента происходит активное внедрение данного рода летательных аппаратов. Широкое внедрение БПЛА амбивалентно, так как оно способствует не только сохранению личного состава в ходе боевых действий, но и террору мирного населения. В данном случае БПЛА применяется как орудие совершения преступления против жизни и здоровья человека. В качестве яркого примера может послужить покушение на Николая Мадуро 4 августа 2018 г., где в качестве орудия послужили дроны, несущие взрывчатые вещества, при помощи которых пытались атаковать президента Мадуро и других государственных чиновников, в результате чего было ранено семь человек [2].

БПЛА может применяться как средство перевозки и сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, оружия, основных частей, компонентов, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств. Ввиду технических преимуществ, а именно вертикального взлета и посадки, способности установки дополнительных конструктивных элементов и технических средств, маневренность и малозаметность, они могут выполнять ряд задач, связанных с перевозкой и сбытом, как доставщики готовой продукции, которая ограничена в обороте.

Таким образом, снабдив БПЛА дополнительными конструктивными элементами и техническими средствами и повысив технические характеристики, преступник повышает собственные криминальные возможности, связанные с перевозкой и сбытом. Имеется объективная сложность в обнаружении таких летательных аппаратов ввиду их малозаметности для правоохранительных органов, что создает проблемы при пресечении незаконной деятельности, совершаемой с их помощью.

Также необходимо обратить внимание и на угрозу применения БПЛА в террористических целях. Так, в публикации Е. В. Мясникова упомянуто, что специалистами отмечается ряд свойств БПЛА, которые могут сделать их привлекательными средствами атаки террористов:

- возможность атаки целей, которые затруднительно или нереально поразить с помощью средств доставки наземным способом (начиненных взрывчаткой автомобилей или террористов-«смертников»);
- возможность осуществления широкомасштабной («площадной») атаки, нацеленной на то, чтобы вызвать максимальное количество жертв (к примеру, с использованием химического или биологического оружия в крупных городах);
- скрытность подготовки теракта и широкие возможности в выборе площадки для старта БПЛА;
- возможность достижения большой дальности и приемлемой точности БПЛА за счет недорогих и становящихся все более доступными технических решений;
- низкая эффективность борьбы существующих систем противовоздушной обороны с такими целями, как низколетящие БПЛА;
- относительная экономическая эффективность БПЛА по сравнению с баллистическими ракетами и пилотируемыми летательными аппаратами при подготовке и использовании в терактах;
- возможность создания сильного психологического эффекта, запугивания населения и мощного давления на политиков [5, с. 29].

Не стоит забывать о применении БПЛА в качестве средства совершения диверсий. В настоящее время в связи с проведением СВО наблюдается активное применение БПЛА со стороны противника для осуществления актов диверсии. Их применяют для разрушения или повреждения предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации.

Основным фактором активного использования летательных аппаратов такого вида считается их малый размер, дешевизна, маневренность и возможность технической доработки, что позволяет почти беспрепятственно проникнуть на территорию объекта и совершить преступление.

Нельзя не согласиться с мнением М. Е. Кравченко, вывод которой сводится к тому, что преступления постоянно «совершенствуются» противозаконными способами путем внедрения и использования новых технических средств и ме-

тодов, тем самым необходимо, чтобы и законодательство не отставало и своевременно реагировало на подобное использование летательных аппаратов [4, с. 338].

В свою очередь, С. Н. Думнов и А. Е. Козлов отметили, что внедрение БПЛА в деятельность различных ведомств является неоспоримым плюсом и позволяет производить, например, осмотр места происшествия, связанного с большой площадью, либо же быстрый анализ, а также точную детализацию причин и обстоятельств происшествия [3, с. 43].

Таким образом, необходима дальнейшая работа над совершенствованием нормативно-правовой базы, а также разработка тактик и методик обнаружения и расследования преступлений, совершенных с помощью БПЛА. Вместе с этим требуется тесное взаимодействие между научными учреждениями, разработчиками технологий и правоохранительными органами для создания оптимальных решений проблем в данной области.

Список литературы

1. Бригадирова К. В. Применение беспилотных летательных аппаратов в борьбе с преступностью // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. № 1. С. 31–41.
2. В Каракасе совершено покушение на Мадуро // ТАСС: информ. агентство России. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/5430210> (дата обращения: 12.11.2025).
3. Думнов С. Н., Козлов А. Е. Административно-правовые аспекты использования технических средств (на примере квадрокоптеров) в ОВД Российской Федерации // Сибирский юридический вестник. 2020. № 3(90). С. 41–44.
4. Кравченко М. Е. Беспилотный летательный аппарат как средство совершения преступления // Вопросы российской юстиции. 2019. № 4. С. 335–339.
5. Мясников Е. В. Угроза терроризма с использованием беспилотных летательных аппаратов: технические аспекты проблем // Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. Долгопрудный, 2004. С. 29.
6. Наумов А. В. Средства и орудия совершения преступления // Советская юстиция. 1986. № 14. С. 24–27.
7. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (в ред. от 31.07.2025 № 305-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

Природа в качестве субъекта права в законодательстве Эквадора, Новой Зеландии и Боливии

© Митрофанов М. Д., Шкаликова А. В., 2026

М. Д. Митрофанов

Студент 4-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: overvoid333@gmail.com

А. В. Шкаликова

Студент 4-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: Shkalikovaangelina@gmail.com

Научный руководитель:

Д. В. Шорников, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения, кандидат юридических наук, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: abirvalg35@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен пример государств Эквадора, Новой Зеландии и Боливии, которые в своем пути по развитию правовых концепций понимания сущности природы наделили природу статусом субъекта права, что является новаторским подходом и попыткой создать некоторую альтернативу доминирующей ныне правовой концепции, имеющей антропоцентрическую направленность.

Ключевые слова: природа, субъект права, права и обязанности, конституция.

Переходя к рассмотрению того, как регулируется правовой статус природы в Эквадоре, Новой Зеландии и Боливии, стоит отметить, что в данных государствах идеи о придании статуса субъекта природе имеют достаточно схожие истоки, связанные с ранее угнетаемыми автохтонными группами населения, однако при этом в Боливии и Эквадоре эти идеи получили свое распространение и закрепление в силу смены политического режима.

Первоначально следует раскрыть то, как закрепление статуса природы происходит в Эквадоре и Боливии, поскольку их законодательство и путь по приданию природе правосубъектности весьма схожи, хотя существуют и различия.

Законодательство Эквадора в плане придания природе субъектности на данный момент является наиболее проработанным в мире, поскольку статус природы в качестве субъекта права закрепляется в его конституции, а также подкрепляется судебными решениями Конституционного суда. Эквадор является первым государством, которое законодательно закрепило данный статус в ходе принятия новой Конституции в 2008 г., однако шаги к столь радикальным изменениям в законодательстве были сделаны намного раньше, со времен конституционной реформы 1984 г., когда Эквадор, одним из первых государств в мире ввел на конституционном уровне право жить в свободной от загрязнения окружающей среде и обязанность государства обеспечивать защиту данного права [1].

Перед рассмотрением содержания Конституции Эквадора следует отметить, что в ее тексте присутствует два синонимичных слова, отражающих значение природы: *la naturaleza* – «приро-

да» и *Pacha Mama* – «Мать-Земля». Внесение в текст конституции второго термина отразило мировоззрение автохтонных народов Южной Америки, а именно их восприятие природы не как объекта, а как всеобъемлющего живого существа, частью которого является человеческий род [2].

Большинство положений о природе в тексте данной конституции содержится в разд. 7, получившем соответственно название «Права Природы». В данном разделе, а именно в ст. 71, дается определение природы как места, где жизнь воспроизводится и происходит [3]. Также положения данной статьи определили некоторые права природы, такие как право на уважение к восстановлению и поддержанию жизненных циклов природы, ее функций, структуры и эволюционных процессов и право на уважение к своему существованию.

Интересно при этом то, что ст. 72 данной конституции закрепляет право на восстановление, которым обладает природа. При этом оно отделяется как от права на уважение к восстановлению природы, так и от обязанности физических лиц, юридических лиц или государства осуществлять выплату компенсации тем обществам и лицам, которые находятся в зависимости от природных систем.

Положения, содержащиеся в ст. 71–74 Конституции Эквадора, также налагают на государство множество обязанностей по поддержанию прав природы, в частности:

- 1) создание механизмов для достижения восстановления окружающей среды в случае постоянного или серьезного воздействия на нее;
- 2) принятие ограничительных и превентивных мер против деятельности, которая может

привести к постоянному изменению природных циклов, разрушению экосистем, а также исчезновению видов;

3) стимулирование юридических и физических лиц для защиты природы;

4) принятие мер для смягчения или устранения последствий, вредных для окружающей среды.

Кроме того, данные статьи предоставляют крайне широкому кругу лиц, который включает народы, сообщества и нации (без указания того, являются ли данные лица гражданами Эквадора или других стран), право обращаться в государственные органы для обеспечения прав природы (ч. 2 ст. 71), а также право на получение выгод от окружающей среды и природных богатств (ч. 1 ст. 74) [3].

Также конституция содержит весьма специфический запрет на внедрение органических и неорганических материалов, а также организмов в природную среду, которые могут осуществить окончательное изменение «активов нации», что отражает влияние мировоззрения коренных народов на ее текст.

Стоит отметить также ст. 10 и 394, положения которых в случае определения статуса природы, имеют решающее значение.

Положения ст. 10 устанавливают факт того, что природа – субъект права, который обладает определенными конституционно установленными правами [4].

Положения ч. 4 ст. 394 предоставляют гарантию защиты прав природы посредством благоприятного толкования спорного текста правовых положений, связанных с окружающей средой. Тем самым эквадорский законодатель реализовал принцип *in dubio pro natura* (сомнение о том, следует ли продолжать наносящую вред окружающей среде деятельность, разрешается в пользу окружающей среды) [5].

Прежде чем завершить рассмотрение эквадорского законодательства, закрепляющего правовое положение природы, следует обратить внимание на судебную практику, которая отражает некоторые аспекты правоприменения норм конституции.

1. Решение Конституционного суда Эквадора № 567 от 8 декабря 2009 г.

В данном решении Конституционный суд оставил в силе решения суда первой инстанции, в соответствии с которым эквадорская компания PRONACA смогла в полной мере осуществить строительство свинофермы рядом с коммуной Цачила Перипа, поскольку, как утверждал суд, «само строительство фермы не является нарушением экологических прав граждан». Однако суд постановил создать специальную комиссию, которая будет заниматься мониторингом и кон-

тролем деятельности данной фермы, в частности контролем по утилизации отходов и водоотведения, поскольку посчитал, что несоблюдение правил по контролю вышеперечисленных процессов может нарушать права природы. Тем самым Конституционный суд впервые в истории применил нормы ранее описанной ст. 10 конституции, подтверждающей наличие у природы субъектности в правовом поле. Кроме того, суд подтвердил в своем решении использование в данном деле ранее описанного принципа *in dubio pro natura* [6].

2. Решение Суда провинции Пастаса № 16101-2012-0115 от 22 июня 2012 г.

По результату пересмотра административного решения Суд провинции Пастаса установил, что приостановление деятельности истцов (Мирей Гуяро и Марсело Херваса) со стороны ответчика (Агентства по регулированию и контролю горнодобывающей промышленности Риобамбы) по добыче угля у р. Пастаса не является нарушением трудовых прав, данных конституцией, а ровно наоборот: обеспечивает права природы. Суд также в своем решении разъяснил, что приоритет защиты прав природы стоит выше защиты любого индивидуального экономического интереса, который обеспечивается соответствующим экологическим, экономическим или социокультурным правом, данным конституцией [7].

Перед тем как перейти к рассмотрению закрепления положения природы в качестве субъекта права в Боливии, необходимо отметить один интересный правовой концепт, который крайне сильно сближает конституции Эквадора и Боливии (в том числе и в придании особого статуса природе) – *sumak kawsay* (в переводе с языка кечуа – мирная или хорошая жизнь) или *buen vivir* (термин, используемый в Эквадоре) / *vivir bien* (термин, используемый в Боливии) [8]. Суть данного концепта, созданного благодаря деятельности социалистических организаций и организаций коренных народов Южной Америки, а также закрепленного в конституциях обоих государств, заключается в пересмотре экономического и социального восприятия граждан данных государств с целью перехода от теории бесконечного накопления экономических благ посредством эксплуатации природных ресурсов к экономической и социальной модели, в которой данные ресурсы будут распределяться в соответствии с принципами солидарности и равенства граждан, а также уважения к ранее упомянутой Pacha Mama (Матери-Земли) [9]. По сути, данный концепт является своеобразной смесью постколониального социализма и индихенизма (политического учения, направленного на восстановление политических, социальных и куль-

турных прав коренных народов Латинской Америки), отражающейся в правовом аспекте, в частности, в таких вещах, как закрепление прав малочисленных и коренных народов, а также множества экологических прав.

Следует заметить, что в законодательстве Боливии, в отличие от законодательства Эквадора, закрепление правовой субъектности природы в полной мере не осуществляется посредством конституционного регулирования. Так, Конституция Боливии, принятая в 2009 г. (на следующий год после принятия Конституции в Эквадоре), хоть и содержит упоминание Pacha Mama (Матери-Земли) в преамбуле, но при этом напрямую не провозглашает ее субъектом права, обладающим конкретными правами. При этом существует несколько норм, связанных как с ее защитой (положения ст. 135 о «народном действии» против любого противоправного действия в отношении природы), так и с ее эксплуатацией (норма п. 3 ч. 2 ст. 311, подразумевающая сочетание индустриализации природных ресурсов и гармонии с природой) [10].

Как такового конституционного закрепления в качестве субъекта права природа не получила, однако это не помешало боливийскому законодателю осуществить придание такого правового положения природе посредством национального регулирования, а именно с помощью издания специализированного Закона № 071 от 21 декабря 2010 г., также известного как Закон «О правах Матери-Земли».

Данный закон крайне подробно расписывает статус природы (Матери-Земли), в том числе его положения раскрывают дефиницию данного понятия в ст. 3, определяя Мать-Землю (природу) как живую динамическую систему, которая сформирована сообществом из всех живых существ и систем жизни, которые разделяют общую судьбу [11].

В то же время закон раскрывает в ст. 5 юридический статус природы, в соответствии с которой она имеет «статус субъекта коллективного интереса», дополнительно закрепляет положение данной статьи о том, что природа обладает правами, из чего следует вывод о наделении ее статусом субъекта права.

Кроме того, Закон «О правах Матери-Земли» посредством ст. 4 и 6 устанавливает положение, свойственное ранее упомянутому концепту *sumak kawsay*, в соответствии с которым человек и человеческое общество являются частью сообщества существ, составляющих природу и осуществляющих при этом права природы, однако при этом акцент делается на приоритете коллективных прав (что свойственно левым политическим течениям, повлиявшим на принятие данного закона).

Закон подробно регламентирует систему прав Матери-Земли, а именно: наделяет ее правами на жизнь, чистый воздух, равновесие, воду. Однако любопытно при этом раскрыты три других права:

1) право на восстановление – в данном случае акцент делается на восстановление от человеческой деятельности, вне зависимости от того, было воздействие на природу косвенным или прямым (ч. 6 ст. 7);

2) право на жизнь без загрязнения – в данном случае подразумевается сохранность от загрязнения не только со стороны человека и других элементов системы, в то же время упоминаются конкретные токсичные отходы, которые производятся человеком (ч. 7 ст. 7).

3) право на равновесие – подразумеваются восстановление разрушенных и поддержание существующих взаимозависимостей и взаимосвязей природы, а также ее функциональности [12].

Закон также налагает на государство обязанность по разработке многоуровневой (национальной и международной) политики в сфере защиты Матери-Земли (ст. 8), в свою очередь, налагая на граждан весьма специфические обязанности, такие как обеспечение устойчивого использования компонентов земли, закрепленные в ст. 9.

В ст. 10 закон также создает должность омбудсмена Матери-Земли, который должен обеспечивать реализацию и охрану ее прав. Однако при этом он не уточняет функции данной должности, не определяет четких полномочий данного лица, ответственности, которую он несет, что ставит под сомнение эффективность данного закона при отсутствии четко выраженных механизмов реализации и защиты прав нового субъекта, вводимого им в правовое поле.

Последний пример правового регулирования статуса природы в качестве субъекта правоотношений – законодательство Новой Зеландии. Оно является в некоторой степени уникальным, даже в сравнении с ранее описанными случаями, поскольку, в отличие от законодательства Боливии или Эквадора, закрепляет правосубъектность не за всей природой как таковой, а за определенными географическими объектами, а именно: за р. Уонгануи и за территорией Те Уревера. Статус обоих объектов регулируется отдельными законами, соответственно 2017 и 2014 гг., которые, по сути, являются законами, конкретизирующими положения договоров Вайтанги 1840 и 1975 гг. – основополагающих конституционных актов Новой Зеландии. Их принятие ознаменовало окончание одной из наиболее длительных серий судебных разбирательств между двумя иви (племенами) маори, а именно иви Уонгануи и иви Тухое против пра-

вительства Короны Новой Зеландии, длившейся с 1930 по 2012 г. Принятие законов стало возможно после серии переговоров между племенами и новозеландским правительством, в ходе которых был пересмотрен статус р. Уонгануи и территории Те Уревера и найден компромисс в передаче права собственности на них. Компромиссным решением возникшей проблемы, заключавшейся в отсутствии у племен маори понимания права собственности, а также в нежелании передачи указанных объектов из государственной собственности со стороны новозеландского правительства, было признание со стороны правительства Новой Зеландии за данными объектами статуса живых существ, которые при этом стали носить статус юридических лиц. От имени обозначенных объектов племени стали осуществлять их волю через специальные представительные органы, право собственности переходило не к племенам маори, а к данным юридическим лицам, что позволило избежать проблем с определением правового статуса территорий обоих объектов [13].

Стоит отметить, что найденный компромисс соответствовал маорийской мировоззренческой концепции кайтиякитанга, основанной на убеждении, что природа является предком человека, а человек, в свою очередь, является частью природы и обязан существовать с ней в равновесии и гармонии. В то же время данная концепция не предполагает права собственности на природу как такового, поскольку маори не могут воспринять сам факт того, что их «предком» может кто-либо владеть. В соответствии с данным мировоззрением люди опекают природу в качестве своего родственника, в то время как она обеспечивает их всем необходимым для существования [14].

Первоначально рассмотрим существование р. Уонгануи, которая регулируется Законом о Те Ава Тупуа от 20 марта 2017 г. Статья 12 закона закрепляет статус р. Уонгануи в качестве юридического лица, носящего название «Те Ава Тупуа» [15], а также наделяет данное лицо всеми полномочиями, обязанностями и правами, присущими юридическому лицу. При этом закон также признает за рекой статус живого существа, что отражает влияние вышеуказанной маорийской концепции на его содержание.

Закон закрепляет за данным юридическим лицом права, которые аналогичны правам корпораций в новозеландском праве, в частности право собственности на имущество (ст. 12), однако оно ограничивается в данном случае лишь собственностью на устье реки, поскольку распространение этого права на воду нарушало бы договоренности с маори.

Закон также устанавливает обязанности р. Уонгануи как юридического лица по соблюде-

нию законодательства Новой Зеландии о качестве и состоянии вод в реке, однако реализация данных обязанностей и защита прав происходит через специально создаваемый институт, регулируемый ст. 18 и 19, носящий название «Те Поу Тупуа», который осуществляет функции «опекуна» реки, состоящего из восьми человек: пяти представителей маори и трех представителей, назначаемых новозеландским правительством. Так, данный орган обязан поддерживать статус реки, защищать ее здоровье и благополучие и выступать от ее имени [14]. Следует отметить, что другие природоохранные органы также обязаны соблюдать принцип нераздельности р. Уонгануи с племенем Уонгануи, что закреплено в ст. 14 данного закона.

Регулирование статуса территории Те Уревера в свою очередь осуществляется на основе Закона о Те Уревера от 27 июля 2014 г., содержание которого схоже с ранее указанным законом по структуре.

Так, закон создает специальное юридическое лицо «те Уревера» (ст. 11), которое наделяется аналогичными правами, что и корпорации, но стоит отметить, что, в отличие от юридического лица «р. Уонгануи», юридическое лицо «Те Уревера» обладает правом собственности уже на всей территории бывшего национального парка Уревера, что закреплено в ст. 12 и 13. Таким образом, закон, во-первых, отделяет данную землю от государственной (земли Короны) или частной, а во-вторых, отражает влияние мировоззрения племени Тухое, для которого данная территория является «священным местом предков», которым никто не может владеть.

Данный закон по аналогии с ранее указанным также создает представительный орган – Совет Те Уревера, посредством которого происходит управление и контроль над территорией Те Уревера, что регулируется ст. 16 и 17. Также в обязанности Совета входит обеспечение общественного доступа к данной территории, сохранение ее культурного наследия и биоразнообразия, что закрепляется ст. 4 [16].

Подводя итог анализа законодательства Эквадора, Боливии и Новой Зеландии, можно сказать, что, несмотря на появление новых форм закрепления экологических прав, в том числе такого достаточно радикального нововведения, как придание правосубъектности природе в целом или отдельным ее частям в отдельных государствах, переход от антропоцентрического подхода в понимании права к иному, где окружающая среда и соответствующие ей права и обязанности будут иметь равное значение с соответствующими человеческими правами, пока не представляется возможным, по крайней мере, в ближайшей перспективе. Это связано в боль-

шей степени с тем, что, несмотря на попытки переосмысления сущности природы в правовом контексте, законодатели различных государств до сих пор исходят из того, что внесение каких-либо изменений в право должно соответствовать существующему запросу людей, а не влиянию факторов окружающей среды, что можно, по сути, наблюдать в истории изменения законодательства рассмотренных государств. Смысл правовых изменений заключался в попытке урегулировать отношения между различными социальными и национальными группами, и, хотя

часть из этих групп имеет кардинально иное мировоззрение на сущность природы и воспринимает ее иначе, другие законы все так же продолжают регулировать отношения между людьми, а не между людьми и природой. Хотя следует признать, что создание новых юридических фикций, которые могут каким-либо образом отразить природу в себе отдельно от человека, может стать одним из способов изменения правового восприятия природы и в дальнейшем, теоретически, средством перехода от антропоцентрического подхода восприятия права к биоцентрическому.

Список литературы

1. Sáenz de Viteri L. F. El reconocimiento de los derechos de la Naturaleza en el ordenamiento constitucional ecuatoriano // Revista Iberoamericana de Derecho, Cultura y Ambiente. 2023. N 4. P. 1-15.
2. Cruz Piza I. A., Bajaña Bustamante L. J., Morales Campoverde M. O. Derechos de la naturaleza en Ecuador // Revista Universidad y Sociedad. 2022. Vol. 14, N 2. P. 351-357.
3. Конституция Республики Эквадор от 20 октября 2008 г. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/21291> (дата обращения: 01.02.2026).
4. Echeverría. H. Derechos da naturaleza: o caso Ecuatoriano // Revista Esmat. 2017. N 13. P. 77-86.
5. Fellmeth A. X., Horwitz M. Guide to Latin in International Law. Oxford University Press, 2009. 298 p.
6. Решение Конституционного Суда Эквадора № 567 от 8 дек. 2009 г. URL: https://ecojurisprudence.org/wp-content/uploads/2022/02/Ecuador_Spanish_389.pdf (дата обращения: 01.02.2026).
7. Решение Суда провинции Пастаса № 16101-2012-0115 от 22 июня 2012 г. URL: <https://ecojurisprudence.org/wp-content/uploads/2022/02/Ecuador-Caso-Mineria-La-Cero-Segunda-Instancia.pdf> (дата обращения: 01.02.2026).
8. Barié C. G. Nuevas narrativas constitucionales en Bolivia y Ecuador: el buen vivir y los derechos de la naturaleza // Latinoamérica. Revista de Estudios Latinoamericanos. 2014. Vol 59, N 2. P. 9-40.
9. Barahona Néjer A., Añazco Aguilar. La naturaleza como sujeto de derechos y su interpretación constitucional: interculturalidad y cosmovisión de los pueblos originarios // Foro: Revista De Derecho. 2020. N 34. P. 45-60.
10. Конституция Многонационального государства Боливия от 7 февр. 2009 г. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Bolivia_2009 (дата обращения: 01.02.2026).
11. Закон № 071 «О правах Матери-Земли» от 21 декабря 2010 г. URL: [https://ampeid.org/documents/bolivia-\(plurinational-state-of\)/law-no-71--law-of-rights-of-mother-earth](https://ampeid.org/documents/bolivia-(plurinational-state-of)/law-no-71--law-of-rights-of-mother-earth) (дата обращения: 01.02.2026).
12. Casanova Lopez J. V. Los derechos a la naturaleza como una expansion de reconocimiento a las cosmovisiones indígenas: casos de Ecuador y Bolivia // Revista Tlatelolco, PUEDJS, UNAM. 2024. Vol. 3, № 1. P. 85-99.
13. Kauffman C. M., Martin P. L. Constructing Rights of Nature Norms in the US, Ecuador, and New Zealand // Global Environmental Politics. 2018. Vol. 18, N 1. P. 43-62.
14. Iorns Magallanes C. J. Nature as an Ancestor Two Examples of Legal Personality for Nature in New Zealand // Victoria University of Wellington Legal Research Papers. 2020. Vol. 10, N 16. P. 1-19.
15. Закон о Те Ава Тупуа от 20 марта 2017 г. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2017/0007/latest/whole.html> (дата обращения: 01.02.2026).
16. Закон о Те Уревера от 27 июля 2014 г. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2014/0051/latest/whole.html#DLM6183737> (дата обращения: 01.02.2026).

К вопросу о формировании единого подхода к системе принципов цивилистического процессуального права

© Ованесян А. Л., 2026

А. Л. Ованесян

Студент 4-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: aram19725@yandex.ru

Научный руководитель:

Т. Л. Курас, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: tanya_kuras@mail.ru

Аннотация. Исследуется проблема отсутствия единой системы принципов в цивилистическом процессуальном праве, что оказывает негативное воздействие в унификации и снижает практическую значимость основополагающих начал. В качестве методологического каркаса рассматриваются классификации принципов, предложенные в литературе, в целях их интеграции в систему законодательного регулирования. На примере критического анализа ст. 6 Кодекса административного судопроизводства РФ выявляются системные пробелы, касающиеся ключевых принципов цивилистического процессуального права. Формулируется конкретное предложение по реформированию всех цивилистических процессуальных кодексов с добавлением структурированной системы принципов, что обеспечит концептуальное единство цивилистического процесса и усилит гарантии справедливого правосудия.

Ключевые слова: принципы судопроизводства, цивилистическое процессуальное право, систематизация принципов цивилистического процессуального права.

Цивилистическое процессуальное право традиционно является предметом научных и практических дискуссий, что наглядно отражается в большом количестве исследований в соответствующих областях. Цивилистическое процессуальное право обобщенно представляют собой совокупность гражданского процессуального права, арбитражного процессуального права и административного судопроизводства. Они состоят в тесной связи, которая проявляется, в частности, в наличии общих правовых принципов, лежащих в основе всех цивилистических процессов.

На сегодняшний день в процессуальном законодательстве и в научной литературе прослеживается тенденция к унификации, направленной на устранение противоречий регулирования идентичных институтов всех цивилистических процессов. Важнейшим элементом такой унификации, прежде всего, выступает формирование общей системы принципов, которая должна закрепляться в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации [1] (далее – ГПК РФ), Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации [2] (далее – АПК РФ) и Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации [3] (далее – КАС РФ). Согласимся с позицией многих исследователей, например А. Г. Плешанова, что без нормативного закрепления принципы цивилистического процесса не будут иметь прикладного значения [4, с. 248]. В таком случае их роль ограничится научно-теоретической категорией.

Этой же позиции придерживались и составители Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [5]

(далее – Концепция). Так, согласно п. 1.3 Концепции предполагалось, что основные положения кодекса должны закреплять принципы судопроизводства, отражающие общепризнанные в сообществе демократических государств стандарты справедливого судебного разбирательства, без соблюдения которых судопроизводство не вправе претендовать на роль правосудия. К сожалению, концепция формирования общей системы принципов в рамках единого процессуального кодекса не получила реализации, что понуждает использовать иные механизмы в целях формирования единой системы принципов цивилистического процессуального права.

Как полагает Т. В. Сахнова, «образованию системы предшествует систематизация, т. е. сведение принципов к внутренне согласованному единству» [6, с. 108]. В этой связи следует заложить в принципы цивилистических процессов общий смысл, отражающий их взаимосвязь. Вот что пишет Т. Л. Курас в контексте закрепления в АПК РФ и ГПК РФ принципа диспозитивности: «Одинаково следует сформулировать активные полномочия суда, чтобы при этом положения постановлений Пленума Верховного Суда РФ и судебная практика в точности соответствовали процессуальному закону» [7, с. 75]. Но при этом необходимо помнить о том, что содержание принципов может варьироваться в зависимости от специфики соответствующей отрасли, что в определенном смысле усложняет формирование единой системы. Несмотря на это, общая функциональная направленность принципов позволяет сформировать каркас системы.

Немаловажным остается вопрос определения перечня принципов, которые должны войти в единую систему. Здесь кажется логичным обратиться к классификациям принципов, выделяемым в литературе. М. К. Треушников по объекту регулирования подразделял принципы на организационно-функциональные и функциональные [8, с. 32]. При этом организационно-функциональные принципы являются одновременно принципами судостроительства и судопроизводства, а функциональные – принципами собственно судопроизводства.

К организационно-функциональным относятся принципы:

- 1) осуществления правосудия только судом;
- 2) равенства всех перед законом и судом;
- 3) назначаемости судей на должность;
- 4) независимости судей;
- 5) единоличного и коллегиального рассмотрения дел;

- 6) государственного языка судопроизводства;
- 7) гласности судебного разбирательства.

К функциональным относятся принципы:

- 1) законности;
- 2) диспозитивности;
- 3) состязательности;
- 4) процессуального равноправия сторон;
- 5) устности и письменности судопроизводства;
- 6) непосредственности судебного разбирательства.

При нормативном закреплении видится необходимым сохранение предложенного М. К. Треушниковым деления, так как оно отражает функциональную направленность принципов, а также стадии процесса, на которых они подлежат применению. Также заслуживает внимания концепция, предложенная А. Г. Плешановым, в соответствии с которой система принципов гражданского процессуального права – качественно новое целостное трехуровневое образование [9, с. 307]. Первый уровень выступает фундаментом, на котором базируются принципы, определяющие модель гражданского процессуального права (преимущественно функциональные принципы). На втором уровне находятся принципы, которые непосредственно связаны с процессуальной формой (в основном организационно-функциональные принципы). Третий же уровень составляют организационные принципы, содержание которых состоит в оптимизации деятельности по отправлению правосудия. При этом в рамках указанного подхода роль связующего звена находится у принципа законности.

Обе концепции, формирующие представление о системе принципов гражданского процессуального права, кажутся нам логичными. Однако подход А. Г. Плешанова является достаточно разветвленным и сложным, что вряд

ли позволит основывать на нем нормативную систематизацию. В связи с этим позиция М. К. Треушникова на сегодняшний день представляется оптимальной для того, чтобы стать основой для реформирования системы правовых принципов.

Нельзя не отметить, что в рамках административного судопроизводства законодателем была осуществлена попытка систематизации принципов. Поэтому предлагается более детально рассмотреть систему принципов административного судопроизводства, закрепленную в ст. 6 КАС РФ: «Принципами административного судопроизводства являются: 1) независимость судей; 2) равенство всех перед законом и судом; 3) законность и справедливость при рассмотрении и разрешении административных дел; 4) осуществление административного судопроизводства в разумный срок и исполнение судебных актов по административным делам в разумный срок; 5) гласность и открытость судебного разбирательства; 6) непосредственность судебного разбирательства; 7) состязательность и равноправие сторон административного судопроизводства при активной роли суда».

Указанная норма стала прорывом в вопросе систематизации и нормативной фиксации принципов права в гражданских процессах. На наш взгляд, закрепив перечень принципов в КАС РФ, законодатель совершил существенный прорыв. Фактически он определил будущий вектор развития всего гражданского процессуального права, выраженный, во-первых, в возможности непосредственного применения норм-принципов при разрешении споров, а во-вторых, в выстраивании всей системы отрасли права в строгом подчинении принципам.

Подтверждение первого тезиса находит свое отражение в практике судов общей юрисдикции. Например, в деле № 3А-49/2023, рассмотренном Мурманским областным судом, суд отказал в присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок. Он основывал решение на принципе осуществления административного судопроизводства в разумный срок, который нормативно закреплен в п. 4 ст. 6 КАС РФ [10]. В деле № 2А-101/2020, рассмотренном Свердловским районным судом г. Иркутска, было удовлетворено исковое требование ИФНС России о взыскании задолженности по налогам. При этом в мотивировочной части решения суд отмечал, что ответчиком при соблюдении принципа состязательности, предусмотренного п. 7 ст. 6 КАС РФ, не были доказаны обстоятельства, отраженные в возражениях [11]. В мотивировочной части решений суды ссылались на ст. 6–14 КАС РФ, раскрывающие содержание принципов.

Подтверждение тезиса о соответствии всей системы принципам можно найти в положениях КАС РФ. Рассмотрим положения ст. 10 КАС РФ, закрепляющей принцип осуществления административного судопроизводства в разумный срок и исполнения судебных актов по административным делам в разумный срок. По мнению А. С. Феединой, «сущность принципа осуществления административного судопроизводства в разумный срок заключается в усилении динамики судебного процесса» [12, с. 133]. В этих условиях законодатель предусмотрел правовые инструменты (ст. 10, 45, 125, 142 КАС РФ и др.), реализующие содержание ст. 10 КАС РФ: институт ускорения рассмотрения административного дела; право лиц, участвующих в деле, на направление, представление и получение электронных документов по административному делу; право при необходимости участвовать в судебном заседании посредством использования систем видеоконференц-связи.

Несмотря на значительную роль закрепления в КАС РФ процессуальных принципов, их перечень подлежит критике в литературе [13, с. 136; 14, с. 130]. Это обосновывается отсутствием в указанном перечне таких принципов, как диспозитивность, обязательность судебных решений и др. Это не позволяет в полной мере применить концепцию, реализуемую в КАС РФ, как основополагающую для всей системы принципов гражданского процессуального права в том виде, в каком она существует в настоящее время. Данная система принципов упускает из своего содержания элементы, необходимые для полноценной реализации. Однако при дополнении ст. 6 КАС РФ, а также внесении изменений в гл. 1 КАС РФ данный подход определенно станет основой для дальнейших внесений изменений в ГПК РФ и АПК РФ и формирования единой системы принципов.

На основании сказанного видится необходимым изложить ст. 6 КАС РФ следующим образом.

Статья 6. Принципы административного судопроизводства

1. Принципы административного судопроизводства включают в себя организационно-функциональные принципы и функциональные принципы.

2. К организационно-функциональным относятся принципы:

- 1) осуществления правосудия только судом;
- 2) равенства всех перед законом и судом;
- 3) назначения судей на должность;
- 4) независимости судей;
- 5) единоличного и коллегиального рассмотрения дел;
- 6) государственного языка судопроизводства;
- 7) гласности судебного разбирательства

3. К функциональным относятся принципы:

- 1) законности;
- 2) диспозитивности;
- 3) состязательности;
- 4) процессуального равноправия сторон;
- 5) устности и письменности судопроизводства;
- 6) непосредственности судебного разбирательства;

Представляется, что аналогичные изменения должны быть также внесены в ГПК РФ и АПК РФ.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, необходимо четко закрепить в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ единую систему принципов права с их раскрытием в соответствующих статьях указанных кодексов. Данные изменения станут важнейшим этапом унификации гражданского процессуального права, что позволит создать почву для закрепления принципов права в качестве практико-ориентированного правового явления.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
4. Плешанов А. Г. К вопросу о влиянии информационных технологий на принципы гражданского процесса // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12 (216). С. 248–252.
5. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
6. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М. : Волтерс Клувер, 2008. 676 с.
7. Курас Т. Л. Принцип диспозитивности в российском гражданском процессе: современные и исторические аспекты // Сибирский юридический вестник. 2022. № 3 (98). С. 69–77.
8. Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушников. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2014. 960 с.

9. Плешанов А. Г. К вопросу о системе принципов цивилистического процессуального права // Право и государство: теория и практика. 2021. № 11 (203). С. 305–307.
10. Решение Мурманского областного суда № 3А-49/2023 от 25 сент. 2023 г. по делу № 3А-49/2023. URL: https://sudact.ru/regular/doc/VkYY8VycIgZ6/?regular-txt=статья+6+®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+6.+Принципы+административного+судопроизводства%28КАС+РФ%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1766342549490&snippet_pos=1080#snippet (дата обращения: 11.12.2025).
11. Решение Свердловского районного суда г. Иркутска № 2А-101/2020 от 16 января 2020 г. по делу № 2А-101/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/BhPiWCAtPILx/?regular-txt=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+6.+Принципы+административного+судопроизводства%28КАС+РФ%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=1030®ular-court=®ular-judge=&_id=1766342489741 (дата обращения: 01.12.2025).
12. Федина А. С. Принципы административного судопроизводства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2015. № 3 (43). С. 131–140.
13. Майорова С. Л. Принципы административного судопроизводства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 136–138.
14. Иваненко И. Н., Миташова А. А. О некоторых проблемах правового регулирования принципов административного судопроизводства // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2024. № 2. С. 129–133.

Криминалистическая характеристика диверсии

© Пчелинцев Н. А., 2026

Н. А. Пчелинцев

Магистрант 1-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: ya.hsf58@yandex.ru

Научный руководитель:

Е. В. Шишмарева, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: chalv@bk.ru

Аннотация. Рассмотрена криминалистическая характеристика диверсии, а именно: способы, обстановка, данные о личности преступника, предмет, следы диверсии, а также личность потерпевшего.

Ключевые слова: диверсия, криминалистическая характеристика, способы совершения диверсии, диверсант.

Криминалистическая характеристика преступлений представляет собой информационную модель, которая отражает криминалистическую сущность преступлений определенного рода (вида, подвида, группы), заключающуюся в сведениях об их криминалистически значимых признаках и закономерных связях между собой, построенную на основе анализа и обобщения практики их расследования и судебного рассмотрения и имеющую значение для формирования частных методик расследования и решения задач деятельности по расследованию и предупреждению преступлений [4].

Криминалистическая характеристика включает в себя следующие элементы: типичный способ совершения преступления, обстановку, данные о личности преступника, предмете преступления, механизм следообразования, личность потерпевшего, обстоятельства совершения диверсии.

Говоря о диверсии, следует рассмотреть ключевой элемент криминалистической характеристики – способ совершения.

Подрыв – классический способ совершения преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ [11]. Подрыв может осуществляться с помощью различных взрывных устройств, таких как: специализированные взрывные устройства (тротильные шашки, различные боеприпасы, подрывные заряды), СВУ (взрывные устройства, созданные с помощью подручных средств, например: бутылки с поражающими элементами и зарядом, консервные банки, устройства, замаскированные под свернутые денежные средства, телефоны, радиоустройства), изделия, не предназначенные для взрыва (газовые баллоны, канистры и т. д.).

Одним из примеров рассматриваемого способа выступает предотвращенный в июле 2025 г. на территории Саратовской области диверсионно-террористический акт, планировавшийся сторонником признанной в России террористической и запрещенной организации. По данным ФСБ РФ, гражданин России планировал подо-

рвать железнодорожный мост с использованием хранящегося у него в тайнике самодельного взрывного устройства. При задержании он оказал вооруженное сопротивление и ответным огнем был уничтожен. Мужчина поддерживал контакты с украинской стороной и планировал после совершения диверсии уехать на Украину для участия в боевых действиях [12].

Поджог – самый доступный способ совершения диверсии. При реализации цели данного способа преступления используют как примитивные средства, такие как спички, зажигалки, так и более сложные устройства – петарды, электрозапалы, зажигательные взрывные устройства, БПЛА с прикрепленными на них огнеметными системами.

Одним из таких примеров выступает попытка поджога автозаправочной станции в ноябре 2025 г. в Петропавловске-Камчатском. По данным следствия, мужчина 1984 г. р., ставший жертвой мошенников в мессенджерах и лишившийся крупной суммы денег, согласился на предложение злоумышленников совершить поджог. Во время очередного звонка мужчине сообщили, что его деньги отправлены украинской стороне. В целях сокрытия от правоохранительных органов информации о факте финансирования Украины и возврата денежных средств звонивший предложил совершить поджог АЗС в Петропавловске-Камчатском, на что гражданин согласился [5].

Следующий способ – отравление продуктов питания. Данный способ является трудозатратным из-за сложности добычи отравляющего вещества. Чаще всего преступники используют яды (цианид, талий, мышьяк и др.), но также возможно использование радиотоксинов (полоний, стронций) и вирусов (сибирская язва, холера и т. д.). Эти вещества подмешиваются в источники питания, водоснабжения, возможно распыление на определенной территории.

Примером данного способа выступает попытка отравления российских военных в марте

2025 г. 49-летним жителем Белгородской области, планировавшим теракт в г. Валуйки и задержанным сотрудниками ФСБ. По данным правоохранителей, подозреваемый наладил связь с запрещенной в России террористической ячейкой. По заданию кураторов мужчина собирал данные о дислокации и передвижениях Вооруженных сил России [10].

Проникновение диверсионно-разведывательной группы (ДРГ) – один из самых ресурсоемких способов совершения диверсии, так как необходимо использование специфических средств доставки к государственной границе, ее пересечение, «легендирование» своего нахождения. Диверсанты на этапе подготовки к операции исследуют рельеф местности, возможные слепые зоны патрулей, видеокамер и т. д. Наглядной иллюстрацией данного способа выступает попытка проникновения диверсионной группы службы специальных операций Украины, состоявшей из кадровых сотрудников в Брянской области в августе 2025 г. Как сообщили в ФСБ, в ходе операции трое диверсантов были ликвидированы, еще трое задержаны. У них нашли шесть американских штурмовых винтовок с приборами для бесшумной стрельбы, 16 кг чешской взрывчатки, гранаты и патроны натовского образца, а также радиостанция для связи с руководством ГУР МОУ. Оставшиеся в живых диверсанты дали признательные показания. По словам одного из них – военнослужащего Сил специальных операций ВСУ, в задачи группы входило «проведение разведки важных объектов, совершение диверсий на железнодорожных путях и мостах». «Свою вину полностью признали, в содеянном раскаивались» [13].

Другой способ – кибердиверсия. Это, как правило, длительные, многоэтапные операции с использованием различных уязвимостей систем предприятий. Такой способ включает в себя поиск цели и сбор информации о ней, создание вредоносного программного обеспечения (ПО), внедрение ПО в систему (например, через электронные письма, фишинговые ссылки и др.), установление бэкдора и выполнение цели.

В. В. Коломинов указывает, что «противник помимо методов вооруженного противостояния прибегает к приемам по расшатыванию внутриполитической ситуации в России за счет стимулирования экстремистских настроений в информационном пространстве нашей страны, и в первую очередь – в виртуальном пространстве» [3, с. 93].

Так, в январе 2025 г., по данным F6, АРТ-группировка Rezet (она же Rare Wolf) под видом приглашений на семинары по стандартизации оборонной продукции распространяла вредоносные файлы, заражавшие рабочие станции. А

после новогодних праздников Sticky Werewolf атаковала научно-производственные предприятия через фальшивые письма от Минпромторга с трояном удаленного доступа Ozone RAT [14].

Использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) – наиболее массовый способ совершения диверсии. В настоящее время предотвращение атак БПЛА на объекты инфраструктуры и обороноспособности РФ является ежедневной задачей Вооруженных сил РФ. Используются различные типы БПЛА: БПЛА самолетного типа (Bayraktar TB2, «Лелека-100» и др.), БПЛА переделанные из пилотируемых летательных аппаратов, БПЛА мультикоптерного типа (агродроны), FPV-дроны-камикадзе.

Проиллюстрируем это несколькими примерами.

В период с 10 по 16 ноября 2025 г. российские военные сбивали над регионами России 848 украинских беспилотников самолетного типа [6]. В Ульяновской области Вешкаймском районе беспилотные летательные аппараты атаковали подстанцию. Об этом 17 ноября 2025 г. в своем Telegram-канале сообщил губернатор Ульяновской области А. Русских [1].

Саботаж – наиболее скрытный способ совершения диверсии. Реализуется путем заведомо неправильных организаторских процессов, искажения информации, порче оборудования и др.

Примером данного способа выступают выявленные случаи, когда командиры в зоне проведения специальной военной операции (СВО) посылали на штурм артиллеристов, связистов и бойцов войск радиационной, химической и биологической защиты (РХБЗ). О такой «порочной практике» сообщил депутат Госдумы Максим Иванов в своем Telegram-канале [2].

По классификации способов совершения преступления М. С. Уткина диверсии путем поджога и с использованием БПЛА являются усеченным способом совершения преступления, включающим в себя подготовку и непосредственное совершение преступления. Так как у этих способов задача максимально распространить информацию о совершенной диверсии, а значит, реализации действий, направленных на сокрытие, не требуется. Остальные способы являются полноструктурными, состоящими из подготовки, совершения и сокрытия преступления.

Следующий элемент криминалистической характеристики диверсии – обстановка совершения, которая включает:

1) место: предприятия, сооружения, объекты транспортной инфраструктуры и транспортные средства, средства связи, любые объекты жизнеобеспечения населения. Выбор именно этих объектов обусловлен связью с деятельностью государства, а именно с задачами обеспечения безопасности и обороноспособности;

2) время: как правило, диверсанты совершают преступление в момент низкой активности населения – выходные, праздничные дни, также учитывается график работы выбранного объекта, работа постов охраны и т. д.;

3) внешние условия: учитываются наравне с другими обстоятельствами. К данной группе обстоятельств можно отнести погодные условия (например, туман, который может упростить подход к объекту, минуя обнаружение, дождь, который помогает скрыть следы преступления, отпечатки пальцев рук, следы ног, следы протекторов шин, запаховые следы и т. д.).

Личность преступника – следующий элемент криминалистической характеристики диверсии.

«Личность диверсанта играет ключевую роль в успешной реализации противоправных действий и затрудняет их предотвращение, что делает ее исследование важным», – указывает Е. А. Пасторова [7, с. 139].

Основную группу диверсантов представляют мужчины в возрасте 20–40 лет, полностью физически здоровые, являющиеся сотрудниками спецподразделений, в которых существует определенный отбор. Вместе с тем в последнее время увеличилось количество «кустарных диверсантов», совершивших преступления под действием мошенников или реализующих преступное действие по своим политическим убеждениям. В эту категорию попадают, как правило, незащищенные группы населения, на которые легко оказать психологическое воздействие, а именно молодежь и люди пенсионного возраста.

Отдельно стоит упомянуть уровень подготовки преступников, по данному преступлению. Профессиональные диверсанты, помимо военного образования, проходят также значительную подготовку к каждой операции. Многие из них обладают различной квалификацией: медик, связист, специалист по информационным системам и т. д. «Кустарные диверсанты» такой специализацией не владеют, их «ведут» кураторы, которые сообщают им полный план действий. Большая часть из них получают задания через мессенджер «Телеграм» [8, с. 86].

Также отличие между этими двумя группами в том, что профессиональные диверсанты базируются на идеологическом фундаменте, поэтому такая группа, даже после раскрытия, вопреки здравому смыслу, пытается довести свое преступление до конца. «Кустарными диверсантами», напротив, движет, как правило, корысть или высказанная им возможность возврата похищенных у них денежных средств, если они совершат диверсию, но и среди них встречаются идеологически настроенные лица.

Количественный состав диверсионных групп чаще всего составляет от 3 человек и мо-

жет достигать 20 человек, в зависимости от сложности операции. Но чем сложнее цель, тем больше людей потребуется для ее выполнения. А. М. Плешаков и Г. С. Шбакин указывают, что «диверсия – это своеобразная “война в миниатюре”» [9, с. 274].

Важным элементом криминалистической характеристики диверсий является механизм следообразования. Так, среди типичных следов при совершении диверсии можно выделить следы, которые возникают непосредственно при воздействии на объект преступления, следы «выхода» на позицию, следы в месте подготовки и т. д.

Следы, возникающие непосредственно при воздействии на объект преступления, в зависимости от способа совершения преступления могут представлять собой очаг возгорания при поджоге, воронки при взрывах, а также микрочастицы взрывчатого вещества и др., следы применения ядохимикатов при отравлении, следы входа в базы данных и иные системы предприятий при кибердиверсиях.

Следы «выхода» на позицию включают в себя дорожку следов обуви, следы протекторов шин, следы прохода в оборонительных конструкциях (например, перерезание колючей проволоки), биологические следы.

Следы в месте подготовки – элементы самодельного взрывного устройства, с помощью которых оно собиралось, элементы конспирации (различная одежда, накладные усы, борода и т. д.), фото-, видеоматериалы, планы совершения диверсии и др. А также информационные следы: поисковые запросы в интернете, онлайн-переводы, переводы в криптовалюте, использование облачных хранилищ, логи сетевой активности и т. д.

Также можно классифицировать следы на идеальные и материальные. Идеальные следы – это отображение увиденного в сознании человека. Важно, что эти следы имеют субъективный характер. Материальные следы отображаются на материальных объектах.

В трасологии материальные следы подразделяют на следы-предметы, следы-отображения и следы-вещества.

Следы-предметы – материальные объекты, с помощью которых совершалось преступление. Такими являются элементы взрывного устройства, части одежды, различное оружие, флеш-накопители с вредоносным ПО и другие. Следы-отображения – следы, которые образовались при перенесении с одного объекта на другой в результате преступления. Например, следы пальцев рук, дорожка следов, следы протекторов шин, следы взлома, следы преступной деятельности в базах данных и других системах предприятий. Следы-вещества – следы различных

веществ, отображающих механизм слеодообразования при совершении преступления. К следам веществам относят различные биологические следы, частицы пыли, бензина, тротила, химических веществ, одорологических следы и т. д.

Объектами, пострадавшими от рассматриваемых действий, выступают предприятия, полностью или частично находящиеся в собственности государства. Предприятия несут в первую очередь экономический, инфраструктурный ущерб. Также следы преступного деяния могут остаться на теле «нецелевых потерпевших», которыми выступают физические лица, пострадавшие от диверсии, получившие травмы, контузии, погибшие от последствий диверсии.

Таким образом, современная обстановка в сфере обороноспособности подталкивает к со-

вершенствованию методики расследования диверсии, фундаментом которой является ее криминалистическая характеристика. В настоящее время данный элемент методики расследования диверсии проходит трансформацию и существенно видоизменяется в связи с целым комплексом факторов самого разного характера: геополитических, социальных, технологических и т. д. Это требует от следствия глубокого подхода к дальнейшему изучению способов совершения диверсии, разграничению типов преступников, а также анализу форм и механизмов взаимодействия подразделений, ориентированных на противодействие экстремистским и террористическим проявлениям.

Список литературы

1. БПЛА вновь нацелились на ПС 500 кВ Вешкайма в Ульяновской области. URL: <https://neftegaz.ru/news/incidental/906492-bpla-vnov-natselilis-na-ps-500-kv-veshkayma-v-ulyanovskoy-oblasti/> (дата обращения: 11.12.2025).
2. В Госдуме рассказали о «порочной практике» некоторых командиров в зоне СВО. URL: <https://lenta.ru/news/2023/12/26/v-gosdume-rasskazali-o-porochnoy-praktike-nekotoryh-komandirov-v-zone-svo/> (дата обращения: 11.12.2025).
3. Коломинов В. В. Криминалистическая профилактика преступлений экстремистской направленности, совершенной с помощью современных технологий // Сибирский юридический вестник. 2023. № 2(101). С. 92-100.
4. Криминалистика: учеб. по криминалистике. Ч. 2. URL: https://sdo.academy-skrf.ru/extbook/krim/ch3/public_html/page5.html (дата обращения: 11.12.2025).
5. На Камчатке задержали подозреваемого в попытке диверсии на автозаправке. URL: <https://ria.ru/20251117/kamchatka-2055361599.html> (дата обращения: 11.12.2025).
6. Над Россией за неделю сбили 848 украинских БПЛА. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/25641615> (дата обращения: 11.12.2025).
7. Пасторова Е. А. Новеллы характеристики личности диверсанта как элемента криминалистической характеристики // Новеллы права, образования, экономики и управления : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Гатчина, 2025. Т. 2. С. 138-142.
8. Пикина Т. В. Криминологическая характеристика личности преступника-диверсанта // Вестник военного права. 2024. С. 82-87.
9. Плешаков А. М., Шбакин Г. С. Уголовная ответственность за диверсию с использованием животных // Военное право. 2021. С. 273-279.
10. Сотрудники ФСБ задержали белгородца, планировавшего отравить российских военных. URL: <https://russian.rt.com/russia/news/1446876-fsb-zaderzhanie-otrava> (дата обращения: 11.12.2025).
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [в ред. от 28 февр. 2025 г.] // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
12. ФСБ России предотвращен диверсионно-террористический акт на территории Саратовской области. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm%21id%3D10440329%40fsbMessage.html> (дата обращения: 11.12.2025).
13. ФСБ сообщила о разгроме украинской ДРГ в Брянской области. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2933373/> (дата обращения: 11.12.2025).
14. Хакеры пошли на завод. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7737723> (дата обращения: 11.12.2025).

Сходства и различия прокурорского надзора и ведомственного контроля

© Труфанова Л. Р., 2026

Л. Р. Труфанова

Магистрант 3-го курса, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: leu-la.trufanova@icloud.com

Научный руководитель:

Е. А. Таюрская, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой судебного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: tayurskaya@bk.ru

Аннотация. Исследуются понятие, значение и правовая основа деятельности прокуратуры РФ как единого централизованного органа, имеющего самостоятельные цели и задачи деятельности. Рассматривается ведомственный контроль как схожий с прокурорским надзором вид государственной деятельности, анализируются их сходства и различия. Делается вывод об уникальности прокурорского надзора как вида государственной деятельности.

Ключевые слова: прокуратура РФ, ведомственный контроль, прокурорский надзор, государственная деятельность.

Прокуратура РФ является централизованным органом со сложной структурой, которая подчиняется логике административно-территориального деления. Это единственный государственный орган, осуществляющий свою деятельность от имени государства, который наделен функцией прокурорского надзора. В соответствии с положениями Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокуратура осуществляет надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняет иные функции [1].

В иерархии законодательных актов, фиксирующих правовые основы деятельности органов прокуратуры, высшее место занимает главный закон страны – Конституция РФ. Значение Конституции как элемента правовой базы деятельности прокуратуры следует рассматривать в широком и узком смыслах. В широком смысле ее значение выражается в том, что положения Конституции РФ выступают в качестве исходных, базовых установок, определяющих сущность и содержание ключевых вопросов правового регулирования и практической деятельности органов прокуратуры. Все положения Конституции РФ в той или иной степени получают преломление в законодательстве о прокуратуре и практике прокурорского надзора [2, с. 19–20]. В узком смысле прокурорский надзор следует понимать именно как деятельность прокуратуры как специализированного государственного органа.

Существуют различные точки зрения ученых на определение прокурорского надзора.

Согласно одной из них, прокурорский надзор представляет собой сложный вид государственной деятельности, реализуемый прокурорами на всех уровнях системы прокуратуры в

соответствии с принципом иерархического подчинения, который имеет определенную цель – соблюдение всеми субъектами надзора законодательства Российской Федерации. Цель прокурорского надзора реализуется посредством специальных средств и методов. Например, наиболее распространенным способом прокурорского надзора является прокурорская проверка, в результате которой надзирающий прокурор в рамках своей компетенции может реализовать меры прокурорского реагирования, включая привлечение виновных к определенному виду юридической ответственности [3, с. 198–199].

Согласно другой точке зрения, прокурорский надзор именуется специфическим видом деятельности, реализуемым от имени государства, целью которого является проверка точности соблюдения конституционных предписаний и иных законов и выявление нарушений закона [4, с. 70].

Представителями еще одной точки зрения подчеркивается не только специфика прокурорского надзора как вида деятельности, но и его самостоятельный характер, так как прокурорские полномочия не могут осуществлять иные государственные и муниципальные органы, учреждения и образования [5, с. 60].

Анализ приведенных позиций позволяет выделить следующие системные признаки прокурорского надзора как вида деятельности: прокурорский надзор осуществляется от имени государства; прокуратура является государственным представителем общественных интересов и защитником прав граждан [6, с. 312].

Исходя из анализа данных выше определенных, можно предложить следующее определение прокурорского надзора – это особый самостоятельный вид государственной деятельности, осуществляемый от имени Российской Федерации, направленный на проверку и обеспе-

чение законности и точного исполнения законов на всей территории Российской Федерации субъектами правоотношений, выявление нарушителей и применение к нарушителям мер реагирования, включая меры юридической ответственности, предусмотренные законом.

Прокурорский надзор является одним из видов государственной деятельности, осуществляемой от имени государства, при этом имеет специфические черты, которые существенно отличают его от любого другого вида государственной деятельности [7, с. 28]. Особыми полномочиями прокуратура обладает в сфере предварительного расследования, исполняя различные возложенные на нее функции, в том числе функцию прокурорского надзора за органами предварительного следствия, дознания и за органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность.

Наиболее важное отличие прокурорского надзора от иных видов деятельности следует искать в соответствии с местом прокуратуры в системе государственных органов. Как известно, прокуратура не входит в систему законодательных, исполнительных и судебных органов, что диктуется ее правовым статусом, целями и задачами, поставленными на ее разрешение, в том числе и задачей уравнивания всех ветвей власти, чем и объясняется наделение прокуратуры надзорными полномочиями в отношении ряда государственных органов [8, с. 104].

Анализ законодательства приводит к выводу о том, что в нормативных правовых актах термины «контроль» и «надзор» употребляются как синонимичные либо определяются посредством друг друга, несмотря на их лингвистическое различие. Однако следует согласиться с точкой зрения о том, что данные термины не являются тождественными или синонимичными, несмотря на то, что имеют определенное сходство [9, с. 343]. Контроль предполагает осуществление непрерывного наблюдения за процессами и непосредственными участниками с возможностью быстрого и непосредственного вмешательства, тогда как надзор предполагает осуществление наблюдения за процессами сторонними наблюдателями, которые не участвуют в процессе и не руководят им, но при этом законодательно наделены соответствующими полномочиями.

Анализ содержания терминов «прокурорский надзор» и «ведомственный контроль», в том числе исходя из их лингвистического смысла, позволяет сделать ряд выводов о сходствах и различиях данных видов деятельности.

Сходство заключается в том, что прокурорский надзор и ведомственный контроль:

- являются видами государственной деятельности;
- осуществляются уполномоченными органами в пределах своих полномочий;

- осуществляется от лица государства для выполнения задач, возложенных перед каждым видом органов;

- имеет общую направленность - соблюдение законности, прав человека, устранение выявленных нарушений и их профилактика.

Различия прокурорского надзора и ведомственного контроля заключаются в следующем:

- различия в субъекте. Ведомственный контроль осуществляется внутри определенного органа, в соответствии с его системой, построенной по иерархическому принципу, тогда как прокуратура не входит в систему законодательных, исполнительных и судебных органов, занимая обособленное место, в связи с чем занимает позицию «надзирающего» стороннего наблюдателя;

- различия в подконтрольных объектах. Подконтрольными объектами ведомственного контроля являются служащие, подразделения и их деятельность внутри определенного органа, имеющие ведомственную принадлежность, тогда как подконтрольными объектами прокурорского надзора выступают объекты вне системы прокуратуры;

- различия в мерах реагирования. Так, ведомственный контроль имеет ярко выраженную административную, управленческую функцию, направленную на поддержание и правильную работу системы и ее процессов, тогда как прокурорский надзор имеет более строгое функциональное значение, направленное на выявление нарушений законности, их устранение и в необходимых случаях привлечения к ответственности виновных, допустивших нарушения законности;

- различная цель. Если ведомственный контроль по большей части направлен на установление соответствия деятельности подконтрольных органов и ее результатов не только законам и подзаконным (ведомственным) актам, но и в целом решениям и программам вышестоящего руководства, то цель прокуратуры несколько шире - надзор за соблюдением законности в целом, без привязки к роду деятельности, показателям или иным сторонам ведомственной деятельности;

- различие в контролирующих органах. Ведомственный контроль может осуществляться различными государственными и муниципальными органами в рамках любого публично-правового образования, тогда как прокурорский надзор - исключительно органами прокуратуры.

Таким образом, для прокурора в силу конституционно-правового характера функция надзора является основополагающей, кроме того, она является уникальной, поскольку осуществляется только органами прокуратуры, другим же органам и лицам, являющимся участниками уголовного процесса, данная функция несвойственна.

Список литературы

1. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 [в ред. от 3 фев. 2025 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.
2. Прокурорский надзор : учебник / под общ. ред. Ю. Е. Винокурова. М. : Юрайт, 2025. 400 с.
3. Прокурорский надзор : учебник и практикум / под ред. А. Ф. Смирнова, А. А. Усачева. М. : Юрайт, 2021. 483 с.
4. Ласкина Н. В. Прокурорский надзор : учебник. М. : Юстицинформ, 2012. 330 с.
5. Правоохранительные и судебные органы России : учебник / под ред. Н. А. Петухова, А. С. Мамыкина. М. : Российский государственный университет правосудия, 2019. 518 с.
6. Колотова Ю. И. Понятие и сущность современного прокурорского надзора // Молодой ученый. 2020. № 19 (309). С. 311–313.
7. Прокурорский надзор. Российская прокуратура в правовом демократическом государстве : учебник / под ред. А. Я. Сухарева. М. : Норма, 2021. 480 с.
8. Прокурорский надзор : учебник / под ред. О. А. Галустяна, А. В. Ендольцевой, И. И. Сыдорука. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. 471 с.
9. Тапхаров А. С. Соотношение прокурорского надзора и ведомственного контроля на досудебной стадии уголовного судопроизводства // Молодой ученый. 2020. № 24 (314). С. 342–343.

К вопросу реализации уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества (на примере обязательных и исправительных работ)

© Шевелев Р. В., 2026

Р. В. Шевелев

Магистрант 2-го года обучения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: cool.amala@ya.ru

Научный руководитель:

С. А. Аверинская, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, e-mail: aver27@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, на примере обязательных и исправительных работ. Рассматривается практика применения данных видов наказаний на основе российского уголовно-исполнительного наказания, обобщается зарубежный опыт их реализации. На основе статистических данных ФСИН России выявляются проблемы исполнения данных видов наказаний, в частности, динамику снижения назначения судом исправительных и обязательных работ, высокий процент уклонения осужденных и организационно-правовые барьеры при трудоустройстве. Предлагается комплекс мер по оптимизации, включая внедрение электронного контроля и квотирование рабочих мест, для повышения ресоциализационного потенциала и снижения коэффициента замены наказания на лишение свободы.

Ключевые слова: исследование практики, проблемы применения, обязательные работы, исправительные работы.

Актуальный вектор уголовной политики Российской Федерации демонстрирует устойчивую тенденцию к гуманизации, выражающуюся в расширении альтернативных мер уголовно-правового воздействия, не предполагающих изоляции от общества. Указанный подход коррелирует с общемировыми трендами развития уголовного права и имплементирует международные стандарты, зафиксированные в Токийских правилах ООН 1990 г.

Институт обязательных работ был интегрирован в законодательство современной России посредством Уголовного кодекса 1996 г., что ознаменовало собой существенный этап эволюции системы наказаний неизоляционного характера. Сущностное содержание данной меры заключается в принудительном привлечении осужденного к труду общественно полезной направленности на безвозмездной основе в часы, свободные от основной занятости или учебы.

Правовая природа обязательных работ детерминирована рядом конститутивных признаков: принудительностью исполнения, безвозмездностью труда и реализацией в свободное от основной деятельности время. Указанная специфика позволяет лицу сохранить трудовые связи и продолжить образовательный процесс, что выступает превентивной мерой против маргинализации личности.

Данный вид наказания назначается судебным органом на срок от шестидесяти до четырехсот восьмидесяти часов. Режим отбывания ограничивается четырьмя часами в сутки. При злостном уклонении законодатель предусматри-

вает возможность замены наказания на принудительные работы или лишение свободы, где восемь часов обязательных работ эквивалентны одному дню нового наказания.

Нормативные акты устанавливают императивные ограничения для назначения обязательных работ. Они не применимы к инвалидам 1-й группы, беременным женщинам, матерям детей до трех лет, военнослужащим-призывникам, а также контрактникам рядового и сержантского состава, не выполнившим обязанность службы по призыву к моменту приговора.

Процедура исполнения инициируется не позднее пятнадцати суток с момента поступления в УИИ ФСИН РФ соответствующего судебного распоряжения вместе с копией приговора. Функции контроля возложены на уголовно-исполнительные инспекции: они ведут учет, разъясняют условия, согласовывают перечень объектов с местными властями и фиксируют отработанное время.

На осужденных возлагается обязанность соблюдения внутреннего распорядка организаций, добросовестного выполнения работ, уведомления инспекции о смене места жительства и обязанности явки по вызову. Предоставление ежегодного оплачиваемого отпуска по основному месту работы не служит основанием для приостановления исполнения наказания.

При наличии тяжелого заболевания или получении инвалидности 1-й группы осужденный вправе ходатайствовать об освобождении. Для беременных женщин предусмотрена возможность отсрочки с момента начала отпуска по бе-

ременности и родам. Исчисление срока производится в часах фактического труда, с ограничением в четыре часа в выходные и свободные дни, и до двух (при согласии, до четырех) часов в рабочие дни после основной занятости.

Недельная норма отработки, как правило, составляет не менее двенадцати часов. Однако при наличии уважительных обстоятельств уголовно-исполнительная инспекция обладает дискреционным правом разрешить меньший объем работ.

На наш взгляд, реализационный потенциал обязательных работ обладает высокой значимостью. Применение данной меры позволяет нивелировать деструктивные социальные последствия изоляции: разрыв социальных связей, потерю жилья и работы, стигматизацию. Сохранение социального статуса является ключевым условием успешной ресоциализации и профилактики рецидива. Наряду с этим наказание обладает карательным потенциалом за счет принудительного безвозмездного труда, ограничивающего личное время. Актуальность темы обусловлена потребностью в оценке эффективности данного инструмента уголовной политики.

Внедрение санкций неизолационного характера, особенно в отношении преступлений небольшой и средней тяжести, совершаемых лицами с низкой общественной опасностью, представляет собой императив, соответствующий международным правам человека и принципам рационального использования государственных ресурсов.

Институт исправительных работ, введенный в 1996 г., занимает весомую позицию в системе мер уголовного воздействия, ориентированных на поддержание трудовой дисциплины. Квалифицирующим признаком выступает привлечение к труду с удержанием части заработка в доход государства.

Наказание назначается на срок от двух месяцев до двух лет. Размер удержаний варьируется от 5 до 20 % от заработной платы. Злостное уклонение влечет замену наказания из расчета: один день нового наказания за три дня исправительных работ.

Ограничения для назначения аналогичны обязательным работам (инвалиды 1-й группы, беременные, женщины с малолетними детьми, определенные категории военнослужащих).

Отбывание осуществляется по основному месту работы либо в организациях, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с инспекцией. Направление производится в тридцатидневный срок после поступления распоряжения суда.

Уголовно-исполнительные инспекции обеспечивают комплексное сопровождение: учет, контроль соблюдения приговора, воспитатель-

ная работа, взаимодействие с полицией, меры принуждения при уклонении.

Осужденные обязаны добросовестно трудиться, соблюдать порядок и являться по вызову. Увольнение по собственному желанию требует письменного разрешения инспекции, отказ подлежит мотивировке и обжалованию. Запрещается отказ от предложенной работы, необходимо сообщать о смене места жительства или работы в десятидневный срок.

Ежегодный отпуск (18 рабочих дней) согласуется с инспекцией. Срок исчисляется по фактически отработанному времени и удержаниям. Недоработка месячной нормы влечет продолжение отбывания до компенсации.

Срок начинается со дня выхода на работу или получения документов администрацией. Неявка без уважительных причин не засчитывается в срок. Тяжелая болезнь или инвалидность 1-й группы дают право на ходатайство об освобождении. Беременным предоставляется отсрочка с начала отпуска по беременности и родам.

В организациях с суммарным учетом времени расчет ведется по часам. Инспекции контролируют удержания, привлекая при необходимости финансовые органы.

Удержания взимаются ежемесячно со всех видов заработка, включая натуральные выплаты, за исключением пособий соцстраха и единовременных выплат (кроме страховых по профзаболеваниям). Пособия по нетрудоспособности не облагаются удержаниями.

При отмене приговора излишне удержанное возвращается. Возможно ходатайство о снижении удержаний из-за ухудшения материального положения, решение принимается с учетом всех доходов.

Правовая сущность исправительных работ определяется принудительностью, сохранением трудовых отношений и имущественным взысканием, реализующим воспитательную функцию. Сохранение занятости снижает риски негативных последствий изоляции.

Институт способствует минимизации утраты социальных связей, обеспечивая устойчивость жизни осужденного, что важно для ресоциализации. Карательный потенциал реализуется через лишение части дохода и обязанность выполнения условий наказания, формируя мотивацию к исправлению.

Методологическую основу исследования составили официальные статистические данные ФСИН России. Применялись методы сравнительного анализа и динамических рядов. Интерпретация результатов проводилась через призму действующего законодательства.

Анализ статистики за десятилетие выявил существенные трансформации в практике при-

менения альтернативных наказаний. Фиксируется тенденция сокращения доли обязательных работ при стабильности исправительных, что коррелирует с декриминализацией и реформированием системы. Ключевыми драйверами стали законодательные изменения, экономическая конъюнктура и эволюция подходов к ресоциализации.

Общее количество осужденных за анализируемый период сократилось на 27,2 % – с 734 581 в 2015 г. до 534 644 в 2024 г. Максимальное сни-

жение зафиксировано в 2020 г. (562 906 случаев), что обусловлено пандемийными ограничениями (табл. 1).

Назначение обязательных работ демонстрирует парадоксальную динамику: после резкого роста в 2016 г. (145 369 случаев; +96,3 % к 2015 г.) последовало устойчивое снижение до 66 801 случая в 2024 г. (рис.). Удельный вес сократился с 19,6 до 12,5 %, сохранив отрицательные цепные темпы прироста на уровне -4,1 ... -17,2 %.

Таблица 1

Динамика общего числа осужденных в России

Год	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Кол-во осужденных	734 581	741 329	697 054	658 291	620 054	562 906	601 148	614 726	589 011	534 644

Количество лиц, приговоренных к обязательным работам в Российской Федерации с 2015 по 2024 г.

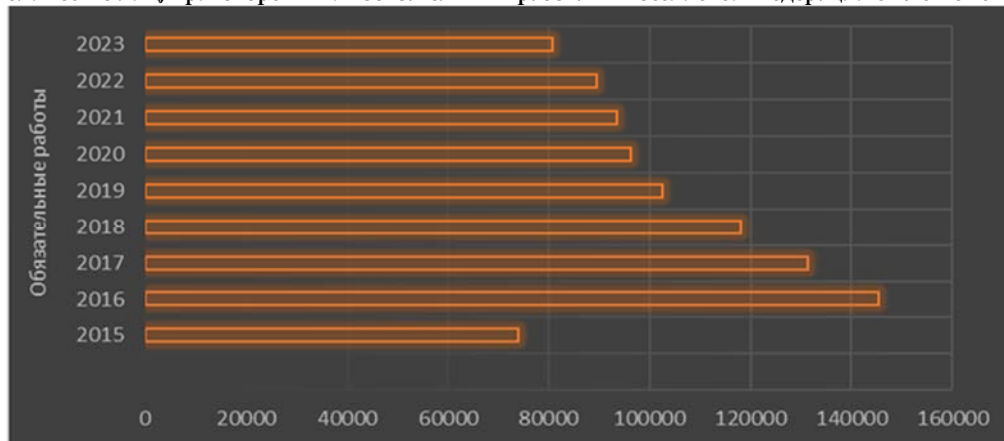

Рис. Динамика назначения обязательных работ в России

Статистические индикаторы выявляют диссонанс между декларируемыми возможностями института уголовного наказания и реальной практикой. Удельный вес остается невысоким, уступая лишению свободы и исправительным работам.

Пик применения обязательных работ пришелся на период гуманизации (2016–2018 гг.). Последующее снижение частоты назначения данного вида наказаний обусловлено системными проблемами: отсутствием механизмов принуждения, сложностями контроля, массовым уклонением. Пик применения обязательных работ был обусловлен принятием Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Л. П. Питкевич заявляет, что динамика назначений обязательных работ колебалась от 79 874 в 2010 г. до 141 165 в 2016 г. (максимальное значение за 10 лет). Однако к 2019 г. проявился обратный эффект: судьи стали реже назначать

обязательные работы из-за роста административной нагрузки на уголовно-исполнительные инспекции [5]. В 2019 г. они были назначены 99 652 раза [2, с. 179].

Системной причиной недостаточной востребованности назначения обязательных работ как инструмента, направленного на достижение целей уголовного наказания, выступает слабая нормативная база контроля. Отсутствие процедур взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций и администрации предприятий приводит к тому, что до 35 % осужденных формально проходят процедуру, уклоняясь от обязанностей.

Международный опыт подтверждает эффективность аналогичных видов наказания. В странах ЕС, США, Канаде общественные работы широко используются как альтернатива тюремному заключению. Например, в Великобритании с 1972 г. действует институт *community service orders*, позволивший сократить количество краткосрочных заключений на 25 %, при этом показатель исполнения достигает 80 %.

В российских условиях необходимо учитывать региональные диспропорции. В столичных муниципалитетах созданы центры трудоустройства, тогда как в малых населенных пунктах они отсутствуют, что приводит к замене наказания на лишение свободы.

Для преодоления проблем необходим комплекс мер. Требуется укрепление потенциала инспекций. Целесообразно внедрение систем электронного контроля (GPS/ГЛОНАСС, биометрия), что повысит эффективность надзора.

Не менее значима работа по эволюции правосознания правоприменителей. Необходимо обобщение позитивного опыта реализации данных видов уголовного наказания между субъектами РФ. Перспективы развития связаны с расширением сферы применения наказаний, связанных с трудовой деятельностью, путем включения в санкции большего числа статей УК РФ.

В настоящее время обязательные работы предусмотрены не во всех составах преступлений небольшой и средней тяжести. Кроме того, важно учитывать психологические аспекты: лица, отработывающие часы, сохраняют социальные связи и реже сталкиваются с дезадаптацией.

Считаем, что повышение эффективности применения наказания требует комплексного решения проблем, затрагивающих законодательное регулирование, механизмы исполнения, контроль и мотивацию.

Во-первых, необходимо совершенствовать законодательную базу: закрепить критерии отбора объектов и мест выполнения работ, исходя из квалификации, тяжести преступления и потребностей региона. Выбор вида работ осуществляется без единых ориентиров, что снижает результативность.

Кроме того, целесообразно утвердить перечень организаций, уполномоченных принимать осужденных, и категории мест, где выполнение работ осужденными недопустимо. Особое внимание следует уделить определению понятия «посильность» работ, распространив его на взрослых осужденных.

Во-вторых, необходимо внедрить систему мотивационных мер. В Уголовно-исполнительном кодексе РФ (УИК РФ) следует включить положения о поощрениях: благодар-

ность, снятие взыскания, сокращение объема работ. Такие меры повысят ответственность у осужденных. Целесообразно рассмотреть возможность досрочного прекращения отбывания при безупречном поведении.

В-третьих, требуется усиление межведомственного взаимодействия. Целесообразно привлечь центры занятости к формированию перечня организаций. В удаленных территориях функцию могут выполнять представители администрации. Необходимо наладить координацию для преодоления несогласия властей участвовать в исполнении приговоров.

В-четвертых, следует развивать систему контроля. Это может быть достигнуто внедрением электронных механизмов учета времени и оценки качества, установления ответственности за ненадлежащее исполнение. Организации должны обеспечивать надзор, в том числе посредством назначения ответственного сотрудника.

В-пятых, необходимо уточнить процедуру замены работ на более строгое наказание. Следует пересмотреть пропорцию, согласно которой 8 ч работ приравняются к одному дню лишения свободы. Кроме того, при злостном уклонении целесообразно предусмотреть возможность продления срока работ как альтернативную меру.

В-шестых, при назначении наказания необходимо учитывать индивидуальные особенности осужденного (навыки, мотивацию, активность) наряду с характером преступления. Такой подход повысит гуманистическую направленность реализации видов уголовных наказаний, связанных с трудовой деятельностью.

Наконец, в-седьмых, следует обеспечить информирование о последствиях уклонения от исполнения наказания, включая замену на лишение свободы. Разъяснение последствий повысит правосознание осужденных и снизит риски нарушения режима.

Мы видим, что в отличие от обязательных работ исправительные работы сохраняют относительную стабильность по количественному показателю с колебаниями в диапазоне 42 789–60 778 случаев в год (табл. 2). Удельный вес остается в пределах 7,3–8,7 %, демонстрируя слабую отрицательную динамику.

Таблица 2

Количественный показатель исправительных работ в России

Год	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Кол-во осужденных	60 794	53 890	58 078	57 321	51 712	42 789	48 111	50 521	48 197	45 924

Представляется, что представленная статистика выявляет цикличность назначения исправительных работ как вида уголовного наказания с периодичностью в 2–3 года, что связано с экономической конъюнктурой: в периоды рецессии суды чаще применяют исправительные работы.

Есть мнение, что для преодоления проблем эффективной реализации рассматриваемых видов наказаний необходимо разработать акты, предоставляющие налоговые льготы организациям, использующим труд осужденных. Это увеличит мотивацию работодателей. Дополнительно предлагается механизм квотирования рабочих мест.

С. В. Романова считает, что для заинтересованности руководителей предприятий в квотировании рабочих мест следовало бы изменить федеральное налоговое законодательство, в частности ст. 284 НК РФ, в соответствии с которой налоговая ставка по налогу на прибыль, подлежащая зачислению в бюджеты субъектов РФ, законами субъектов РФ может быть снижена в отношении отдельных категорий налогоплательщиков. В формулировку данной статьи следует включить указание на предприятия, квотирующие рабочие места для осужденных, состоящих на учете УИИ ФСИН России [3, с. 61].

Полагаем, что в такой ситуации следует при составлении соглашения между работодателями, органами местного самоуправления и уголовно-исполнительной инспекцией указывать обязанность первых квотировать места для осужденных, при этом будет запрещено брать на работу на такие места граждан, которые не являются осужденными. Это позволит более эффективно исполнять исправительные работы, сократит время поиска места для трудоустройства осужденного, позволит соблюсти сроки начала исполнения наказания и также даст возможность подбирать места согласно квалификации подчетного лица [4, с. 85–86].

Например, в некоторых регионах, таких как Чеченская и Мордовская республики, Еврейская автономная область, Забайкальский край и Мурманская область, такие экономические меры уже начинают реализовываться [1, с. 43].

По нашему мнению, результаты корреляционного анализа свидетельствуют о наличии обратной зависимости между уровнем безработицы и частотой назначения исправительных работ.

Эмпирические данные демонстрируют, что в регионах с высоким уровнем социально-экономического развития доля решений о применении исправительных работ оказывается на 23–27 % ниже среднероссийского показателя.

Данная закономерность позволяет предположить, что экономическое благополучие региона влияет на судебную практику и отражает

тенденцию дифференциации политики в зависимости от контекста.

Что касается практических проблем, то работники уголовно-исполнительной системы выделяют три ключевые проблемы:

- 1) отсутствие рабочих мест в сельской местности (37 % респондентов);
- 2) уклонение от трудоустройства осужденных (39 % респондентов);
- 3) бюрократические сложности взаимодействия с работодателями (24 % респондентов).

Для повышения эффективности исполнения наказаний предлагается:

- 1) внедрение в подразделения ФСИН России геолокационного контроля;
- 2) установление квот для трудоустройства на крупных предприятиях;
- 3) развитие электронного документооборота.

Полагаем, что реализация данных мер позволит снизить коэффициент замены наказаний лишением свободы до 7–9 %.

За 10 лет коэффициент замены обязательных работ лишением свободы составил 18,4 %, а исправительных работ – 9,7 % [5]. Это свидетельствует о большей эффективности исправительных работ. Однако оба показателя превышают пороговые значения Европейских пенитенциарных правил, что указывает на необходимость реформирования системы исполнения уголовных наказаний.

Повышение эффективности исправительных работ предполагает устранение правовых, организационных и социально-психологических барьеров. Также достижение цели требует оптимизации регулирования, совершенствования механизма исполнения, усиления контроля, развития мотивации и укрепления взаимодействия.

В первую очередь необходимо провести нормативно-правовую доработку. Следует закрепить критериологическую базу подбора трудовой деятельности с учетом квалификации и характеристик осужденного.

Апрельские поправки 2025 г. в УИК РФ закрепили право на отбывание наказания по месту работы, самостоятельно избранному до постановления на учет в уголовно-исполнительную инспекцию при условии уведомления. Данная новелла устраняет коллизию между трудовым статусом и приговором, препятствующую реализации права на распоряжение своими способностями к труду.

Эффективная реализация уголовных наказаний, связанных с трудовой деятельностью, невозможна без укрепления координации между властью и работодателями. Необходимо институционализировать взаимодействие для формирования инфраструктуры трудоустройства, особенно в сельской местности.

Для стимулирования участия работодателей следует предусмотреть преференции, в частности снижение налоговой нагрузки, субсидии или квотирование. Параллельно требуется разъяснительная работа для осужденных, отбывающих наказание, связанное с трудовой деятельностью, для преодоления стигматизации.

Существенную роль качественного и эффективного отбывания наказания, которая приведет к достижению целей уголовного наказания, играет модернизация контроля. Рекомендуется внедрение цифровых инструментов, включая электронный учет времени и автоматизированное взаимодействие. Одновременно следует ужесточить ответственность должностных лиц за нарушения дисциплины.

Важным элементом эффективности исполнения наказания является усиление воспитательной составляющей. Несмотря на то что ст. 106 УИК РФ предусматривает работу с участием коллективов, на практике ее положения реализуются декларативно. В этой связи требуется разработка методических рекомендаций и программ воздействия. Параллельно необходимо институционализировать систему поощрений за добросовестное исполнение.

Особые меры требуется предпринять в отношении труднодоступных регионов. В условиях отсутствия вакансий целесообразно разрабатывать программы содействия занятости и использовать производственный потенциал системы исполнения наказаний. Назначение должно базироваться на принципе индивидуализации: необходимо учитывать личностные характеристики осужденного, компетентность, мотивацию и склонность к законопослушному поведению. В отношении несовершеннолетних требуется соблюдение ограничений трудового законодательства.

Наконец, следует пересмотреть механизмы замены работ при уклонении. Существующие пропорции пересчета подвергаются критике как недостаточно соразмерные. В этой связи требуется экспертная оценка модели замены и ее корректировка с учетом принципов справедливости и превенции.

Проведенный анализ позволяет констатировать переход от модели массового применения обязательных работ к точечному использованию исправительных работ в качестве основного альтернативного наказания.

Список литературы

1. Босак Е. Е. К вопросу о проблемах исполнения наказания в виде исправительных работ // Уголовно-исполнительная система: реалии и перспективы развития : материалы Междунар. заоч. науч.-практ. конф. Псков, 31 мая 2019 г. Псков : Псков. филиал Акад. права и управления ФСИН России, 2019. С. 42–45.
2. Питкевич Л. П. Обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы в современной системе уголовных наказаний // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14, № 2. С. 178–180.
3. Романова С. В. Актуальные проблемы назначения уголовного наказания в виде исправительных работ // Концепт : науч.-метод. электрон. журн. 2014. № 6. С. 61–65.
4. Соловьева Д. В. Исполнение наказаний в виде исправительных работ и обязательных работ: проблемы и пути решения // Вестник молодого ученого Кузбасского института : сб. науч. ст. Новокузнецк : Кузбас. ин-т ФСИН России, 2023. С. 85–87.
5. Федеральная служба исполнения наказаний : ежегодный отчет о деятельности ФСИН России за 2019 г. М., 2020. 148 с.

Уголовное наказание и принудительные меры медицинского характера в борьбе с педофилией. Эффективность и проблемы реализации химической кастрации

© Шмаленко С. А., 2026

С. А. Шмаленко

Курсант 3-го курса, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, e-mail: shmalenko.semyon@mail.ru

Научный руководитель:

Е. Н. Бархатова, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, e-mail: solncevelvet@rambler.ru

Аннотация. Представлен анализ возможности применения принудительных мер медицинского характера в отношении педофилов. В частности, подвергнута детальному рассмотрению такая мера, входящая в комплекс уголовно-правовых инструментов, как химическая кастрация, поскольку в настоящее время ее внедрение, эффективность и допустимость выступают сложнейшей проблемой для системы права Российской Федерации, даже при условии ужесточения ответственности и наказания за отмеченные преступления.

Ключевые слова: химическая кастрация, педофилия, педофилическое расстройство, сексуальное насилие, принудительные меры медицинского характера, меры уголовно-правового характера, принудительное лечение педофилов.

Уголовное законодательство, чьи инструменты направлены на пресечение и предотвращение преступлений различных видов, находится в постоянном движении, в результате чего происходит модернизация и реформирование его элементов и механизмов регулирования. Однако практика в представленной сфере каждый раз инициирует синтез серьезных вопросов об актуальности и надежности мер, используемых правоприменителями, тем самым отражая многогранность методов, а в некоторых случаях и обозначая их несовершенство. Преступления против половой неприкосновенности являются одним из примеров подобных деяний, где так называемые белые пятна прослеживаются ярко, а их устранение должно иметь первостепенный характер. Наиболее видны изъяны применения законодательных мер в отношении лиц, имеющих педофилическое расстройство. На данном этапе необходимо четко зафиксировать понятия «педофилия» и «лицо, страдающее педофилическим расстройством». Важно также отметить, что термин «педофилия» не имеет юридического закрепления. Четкой фиксации данного определения Уголовный кодекс РФ не предусматривает.

Для того чтобы наиболее полно сформулировать определение педофилии, необходимо рассмотреть толкование всех его сторон с точки зрения медицинских составляющих [1, с. 8]. Педофилия – это прежде всего одна из форм психического отклонения, связанная с комплексом нарушений сексуального поведения и предпочтений, проявляющихся в виде патогенного влечения к детям (обоих полов; обычно допубертатного или раннего пубертатного возраста) с

целью совершения с ними полового контакта для достижения сексуальной удовлетворенности. Это означает, что использование понятия «педофил» применительно ко всем лицам, совершившим сексуальные преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, будет ошибочным [2, с. 54]. В этой связи для установления наличия или отсутствия педофилического расстройства проводится судебно-психиатрическая экспертиза, и только лишь по ее итогам представляется возможным судить о том, совершил ли субъект указанное преступление под воздействием анаморфических процессов. Здесь следует акцентировать внимание на том, что существует определенный регистр деяний, по которым производство судебной экспертизы обязательно. И рассматриваемые в контексте данной темы преступления являются одними из составляющих такового перечня. Таким образом, п. 3.1 ст. 196 УПК РФ закрепляет в качестве обязательного условия назначения и производство судебной экспертизы в целях констатации наличия или отсутствия факта расстройства сексуального предпочтения (оно же педофилия) у лица старше восемнадцати лет, которому предъявляется обвинение в совершении преступления, посягающего на половую свободу несовершеннолетнего. Причем положениями нормы также указан и возраст потерпевшего – в этом случае он не должен достигать четырнадцати лет. В случае положительного заключения к обвиняемому будут применяться принудительные меры медицинского характера [3].

Отмечается, что для данного заболевания характерна особая совокупность симптомов. Она

выражается во всецело преследующих индивида с данным расстройством интенсивных фантазиях, желаниях и стремлениях сексуального характера, побуждающих его на совершение активных действий, представляющих собой акт полового сношения (часто – насильственный) с лицом препубертатного или младшего подросткового возраста. Необходимо отметить, что утоление пагубной жажды может происходить не только посредством прямого интимного контакта, но и через общение, как прямое, так и дистанционное, переписку в социальных сетях и мессенджерах, в том числе с целью получения видеозаписей и фотографий порнографического содержания, а также через просмотр материалов аналогичного характера с участием детей и подростков на запрещенных интернет-сервисах [4].

На данном этапе имеется существенная необходимость обратиться к утвержденному перечню классификации болезней и проблем со здоровьем, носящему название Международная классификация болезней (МКБ). Однако стоит отметить, что МКБ – стремительно развивающаяся система. Так, долгое время в России и мире действовала Международная классификация болезней десятого пересмотра (далее – МКБ-10), а с 1 января 2022 г. она была заменена своим приемником – МКБ-11. В рамках анализа заявленной темы, чтобы проследить развитие закрепления понятия «педофилия» с точки зрения медицинских критериев, целесообразным будет рассмотрение педофилического расстройства через толкование как МКБ-10, так и МКБ-11.

МКБ-10 оформляет педофилию (или педофилическое расстройство) как категорию «Расстройство сексуального предпочтения» (F65), присваивая ему уникальный код F65.4. Согласно данному определению педофилия – это различного рода сексуальное влечение к детям (мужского, женского пола, а также и к тем и к другим, преимущественно 12–14 лет), с присущими ему особыми клиническими признаками, ранее указанными в данной статье. Соответственно, лицо, страдающее таким расстройством, – это индивид, испытывающий отмеченное влечение и воплощающий его посредством совершения полового акта или без его непосредственного исполнения. МКБ-11 представляет из себя уже обновленную классификацию, с существенно увеличившимся объемом данных, большим количеством обозначившихся инновационных ответвлений, разделов и оформившихся диагнозов. Отметим, что все категории, составлявшие ранее цикл «Расстройства личности», объединили в одну группу, исключив какую-либо градацию. Теперь подразделы имеют место быть только внутри единой группы и касаются степеней тяжести течения расстройства, а также интенсив-

ности выражения субъективных черт. В свою очередь, интересующие нас положения касательно педофилии подверглись существенному пересмотру. МКБ-11 более не категоризирует педофилию как болезнь, т. е. определения педофилии в классификации болезней в настоящее время не закреплено. Однако зафиксирована иная составляющая – педофильное расстройство. Исходя из данного закрепления следует, что МКБ-11 предлагает диагностировать соответствующее расстройство лишь у тех пациентов, которые осуществили желаемое деяние либо предпринимали попытки его реализации. Также указывается, что данный диагноз может быть поставлен и тем, кто на почве невозможности сопротивления своим извращенным фантазиям испытывает сильные душевные терзания и стресс, вследствие которых происходит нарушение жизненных процессов.

Принимая во внимание вышеизложенное, становится очевидным, насколько остро поставлен вопрос в сфере защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних [2, с. 57]. Прослеживаются процессы редактирования и реформирования в данной отрасли с задействованием максимального количества областей: от непосредственно уголовного законодательства и закрепления установленных положений в нормах кодексов до медицинского обоснования с точки зрения диагностируемого расстройства и личностных признаков таких пациентов. Безусловно, все, что касается мер, применяемых в отношении лиц, совершивших преступления в этой области, также находится в постоянной динамике, и критерии мер медицинского характера не исключение. Далее будет представлено рассмотрение аспектов, предусмотренных УК РФ о мерах медицинского характера, в частности о химической кастрации [5, с. 109–111]. Указанное необходимо отразить и проанализировать в контексте заявленной темы.

В настоящее время действующим уголовным законодательством предусмотрена ответственность за совершение преступлений в области половой неприкосновенности несовершеннолетнего, которая закреплена в гл. 18 УК РФ «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы» [6]. В частности, приговоры для лиц, имеющих педофилическое расстройство и совершивших названное деяние, могут быть вынесены исходя из параметров статей, начиная с п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 131, а также примечания данной статьи, где особое внимание уделено реализации сексуального контакта с лицом, не достигшим двенадцатилетнего возраста. Необходимость зафиксировать эту особенность отдельным примечанием вызвана тем, что такой субъект в силу указанного

возраста является наиболее уязвимым к деяниям подобного рода, а также к иным действиям, носящим характер угрозы для его жизни и здоровья, т. е. находится в состоянии крайней беспомощности, отчего не может осознавать степень опасности, характер и значение противоправного акта, совершающегося в его отношении. В продолжение обозначенного индивид, имеющий нарушения психики, составляющие расстройство педофилии, может быть осужден по ст. 134–135 УК РФ. Помимо норм гл. 18, существует и нормы гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», а именно ст. 242.1 «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних» [6]. В этом отношении информацией порнографического содержания, согласно ст. 242.1, будут являться любые материалы и предметы, содержащие любое изображение или описание в сексуальных целях: полностью или частично обнаженных половых органов несовершеннолетнего; несовершеннолетнего, совершающего либо имитирующего половое сношение или иные действия сексуального характера; полового сношения или иных действий сексуального характера, совершаемых в отношении несовершеннолетнего или с его участием; совершеннолетнего лица, изображающего несовершеннолетнего, совершающего либо имитирующего половое сношение или иные действия сексуального характера. Наказание за все вышеперечисленное варьируется в зависимости от конкретного состава. Самые большие сроки, как отмечается в санкциях упомянутых норм, от 15 до 20 лет лишения свободы. Следует указать, что срок может быть и свыше 20 лет, когда речь идет о совокупности или о наличии отягчающих обстоятельств. Пожизненное лишение свободы также допускается, но лишь в случаях неоднократного (повторного) совершения насильственных действий либо совершения их в отношении двух и более детей (ст. 134 УК РФ). Определенное число специалистов, в том числе принимающих участие в законотворческой деятельности, не раз выдвигали предложение об использовании исключительной меры наказания в виде смертной казни. Обоснованием для инстанций, назначающих наказание, в таком случае служили бы положения ст. 20 Конституции РФ, которые предусматривают установление и применение данной меры до ее отмены соответствующим федеральным законом за особо тяжкие преступления против жизни и здоровья. Однако в этом случае требуется обозначить существенное условие, которое на данный момент и составляет институт смертной казни в Российской Федерации, – обвиняемому предоставляется право на рассмотрение

дела судом при участии присяжных заседателей, что, в свою очередь, будет крайне проблемно реализовать.

По статистическим данным пресс-служб правоприменительных ведомств, общее число преступлений, посягающих на незыблемость половой свободы несовершеннолетних, имеет крайне угрожающую тенденцию не только на сохранение стабильно высоких показателей, но и более того – на их увеличение [4]. Из материалов, представленных органами Генеральной прокуратуры РФ и Следственного комитета, с 2010 по 2024 г. зафиксирован подъем лишь зарегистрированных преступлений в этой среде на 44 %. Согласно этой статистике, за 2024 г. потерпевшими по аналогичным уголовным делам стали около 17 тыс. детей, из которых лиц, не достигших двенадцатилетнего возраста (диапазон от 6 до 10 лет), более 2500 и лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста (диапазон от 12 до 14), – около 7 тыс. [7]. Причем отмечается, что почти в 80 % случаев лицами, реализовавшими половое сношение или действия сексуального характера, являются люди, входящие в близкий круг общения несовершеннолетнего, а в 60 % – это и вовсе члены их семей. Также отмечаются и случаи совершения таких преступлений мигрантами. На оперативном совещании, главной темой которого стало расследование преступлений в области миграции, глава Следственного комитета РФ А. И. Бастрыкин сообщил, что только за 2025 г. на территории Российской Федерации число противоправных деяний в области половой неприкосновенности несовершеннолетних, реализованных лицами, не имеющими соответствующего гражданства, выросло на 22 %.

Говоря о статистике применения мер медицинского характера, стоит заметить, что данных, актуальных для настоящего времени, нет. Однако, согласно полученной информации по текущему вопросу, с 2018 по 2020 г. применение мер медицинского характера (в том числе и в принудительном порядке) в отношении педофилов имело место около 80 раз, из которых около 25–30 % оформлялось добровольным назначением и 70–75 % – принудительным образом соответственно. Обращая внимание на время подготовки и на сам факт наличия статистических данных по части применения мер медицинского характера, можно сделать вывод о том, что законодатель в этой сфере необходимо проводить более усиленную работу по сбору и фиксации указанных данных в целях детального анализа эффективности и востребованности медицинских мер в борьбе с деяниями, предметом покушения которых будут общественные отношения в области защиты половой свободы несовершенно-

нолетних. Помимо явного несоответствия приведенных показателей современному положению дел, так же неясно, какие именно виды мер медицинского характера применяли чаще всего для лиц с педофилическим расстройством. О непосредственно химической кастрации при данных обстоятельствах говорить и вовсе не целесообразно, исходя хотя бы из того факта, что этот институт, как отмечалось в начале статьи, является предметом споров еще с момента его учреждения.

В уголовно-правовом поле Российской Федерации впервые о химической кастрации заговорили еще в 2011 г. С таким предложением выступил сам Президент России, в результате чего его инициатива о применении химической кастрации для субъектов противоправных деяний, связанных с совершением половых актов в отношении малолетних, была принята во внимание. Уже в феврале 2012 г. Государственной Думой и Советом Федерации РФ был принят и одобрен очередной федеральный закон, который предусматривал внедрение в действующий УК РФ и другие нормативные акты, регулирующие соответствующие вопросы, определенных поправок, касающихся ответственности за сексуальные преступления против несовершеннолетних [8].

Помимо наложения запрета на условное осуждение лиц, совершивших насильственный половой акт над ребенком младше четырнадцати лет, дополнялась ст. 99 УК РФ «Виды принудительных мер медицинского характера» [6]. Содержание данного дополнения формируют мероприятия, назначаемые судом в сочетании с наказанием и заключающиеся в принудительной форме наблюдения и лечения у врача-психиатра с посещением таким осужденным профильного медицинского учреждения [1, с. 10]. В этом отношении в спектр полномочий врача-психиатра, не считая осуществление общего контроля за психическим состоянием лица и его планомерный осмотр в регламентированный период (обычно не реже одного раза в месяц), входит и назначение медикаментозных веществ или их смесей, направленных в том числе на ингибирование либидо. Из этого усматривается, что при том или ином заключении исследования функционирования психических процессов обвиняемого в отмеченных преступлениях врач принимает решение об антиандрогенной терапии посредством интеграции в организм индивидуума соответствующих препаратов [5, с. 112].

Антиандрогенная терапия (или химическая кастрация) – это специфическая уголовно-правовая мера медицинского характера, воплощаемая путем проведения особой врачебной процедуры, направленной на достижение феномена взаимодействия медикаментозных

средств с человеческим организмом, в конечном итоге выразившегося в полном подавлении полового влечения на фоне снижения выработки гормонов. В мышечную ткань лица мужского пола путем регулярных инъекций вводят соединения смесей препаратов особого назначения, представляющих собой преобразованную форму тестостерона, которое призвано осуществлять торпедирование естественных физиологических процессов, связанных с возможностью совершения полового акта продукцией семенной жидкости [9]. Клиническое действие достигается в течение месяца в зависимости от индивидуальных особенностей пациента, а регулярность инъекций составляется врачом-психиатром на период не менее чем на полгода с режимом приема, прописанным в инструкции определенного антиандрогенного препарата. Таким образом, смысл данной терапии заключается в том, что без причинения физических увечий (что является одним из примеров гуманизации уголовного законодательства) лицу, совершившему преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетнего (малолетнего), за счет действия синтетических лекарственных изделий становится возможным ограничение его половых механизмов в целях недопущения совершения подобных деяний вновь. Однако, как заявлялось ранее, система данной институциональной уголовно-правовой конструкции отличается наличием существенных проблем, дискуссионные моменты по которым так или иначе ставят под вопрос прямую результативность данной меры медицинского характера [2, с. 59].

Антиандрогенная терапия в качестве меры медицинского характера назначается в отношении лиц, обвиняемых в педофилии, т. е. деянии, совершенном вследствие отклонений психических процессов на фундаментальном уровне. В этом отношении химическая кастрация направлена на блокирование только физиологических процессов, что лишь косвенно может отразиться на течении расстройства. Уточним, что педофилия – крайне сложный тип психического заболевания, приносящего организму «дефекты», искоренить которые невозможно. Педофилия – неизлечимое заболевание. А такая мера, как химическая кастрация, создана для того, чтобы через воздействие на непосредственно мужскую половую систему предотвратить выражение данного психического нарушения в конкретных действиях. Следующим пробелом этого института можно отметить относительную простоту обратимости действия лекарственного препарата [7]. Для того чтобы нейтрализовать эффект антиандрогенного средства в организме индивидуума, последнему достаточно принять небольшую дозу любого вещества, благотворно влия-

ющего на мужскую потенцию и способствующего вазодилатации кровеносных сосудов. Подчеркнем, что даже малая дозировка такого препарата может обеспечить практически полное подавление результатов целого курса приема антиандрогенных фармацевтических субстанций.

Немаловажным в аспекте применения химической кастрации будет вопрос о соответствии ее содержания неотчуждаемым правам человека (независимо от его процессуального статуса). В сути терапии относительно ее медицинских критериев можно усмотреть существенные нарушения свобод личности в рамках уголовного судопроизводства. Разумно полагать, что систематическое введение препаратов, направленных на «умерщвление» показателей тестостерона в организме, может привести к более серьезным последствиям (тем более, как было зафиксировано ранее, показатели мужского полового гормона восстанавливаемы). Помимо физиологических негативных итогов, к которым кроме снижения либидо непосредственно относятся ослабление параметров мышечной и костной массы, высокая вероятность предынсультного и предынфарктного состояний, могут проявиться и обширные психоэмоциональные нарушения, выражающиеся в расстройствах когнитивного, поведенческого и эмоционального спектров. Из сказанного о пагубном влиянии на организм личности следует, что антиандрогенную терапию можно расценить как меру, прямо нарушающую основополагающие принципы уголовного права. В частности, можно судить о нарушении ст. 7 УК РФ «Принцип гуманизма» [6]. С этой точки зрения Российская Федерация в уголовном законодательстве признает и закрепляет в качестве первостепенных неотъемлемые права и свободы человека. В этом же ключе данный принцип относится и к виновному – наказание или иные меры уголовно-правового характера, которые могут быть ему вменены, ни при каких обстоятельствах не могут иметь своей целью причинение физических или иных страданий, унижающих человеческое достоинство.

Подводя итоги, следует отметить, что на сегодняшний день институт такой меры медицинского характера, как химическая кастрация, полон противоречий как со стороны целесообразности проведения такой процедуры и ее должного эффекта на педофила (на индивида, стра-

дающего крайне сложной и неизлечимой формой психического заболевания – расстройством сексуального предпочтения), так и со стороны проблематики закрепления законности и порядка исполнения. К примеру, с определенного рода законотворческой инициативой в вопросе о системе проведения антиандрогенной терапии выступили власти Казахстана. Приказ Минздрава, вступивший в силу 17 октября 2025 г., регламентировал новые правила химической кастрации. Такую меру по особому регламенту впредь будут применять по решению суда в принудительном порядке к лицам, отбывающим наказание за педофилию. Не менее чем за 12 месяцев до предстоящего освобождения сотрудники колонии, в которой непосредственно содержатся лица, осужденные за отмеченное деяние, направляют в судебную инстанцию необходимые материалы. В результате их анализа указанным лицам назначается судебно-психиатрическая экспертиза, по итогам которой делаются выводы о склонности к осуществлению сексуального насилия впредь и обоснованности принудительного применения химической кастрации. Как отмечается в источнике, антиандрогенная терапия будет проводиться прямо в тюрьмах [10].

В заключение следует отметить, что химическая кастрация как мера медицинского характера имеет место быть в рамках уголовно-правового поля Российской Федерации. Однако то положение дел в заявленной проблеме, предстающее перед нами на сегодняшний день, требует изменений. Необходима разработка соответствующих положений, в которых будут прямо прописаны ключевые аспекты института, такие как регламентация проведения процедуры и должный порядок, критерии оценки показателей здоровья индивида, а также при необходимости и квалификация медицинского работника, проводящего данную процедуру. Вместе с тем стоит принять меры по составлению единого ограниченного Перечня лекарственных субстанций, применяемых для реализации терапии, с учетом побочных эффектов, с целью следования принципам уголовного закона. Только принимая во внимание все грани отмеченного вопроса и в надлежащем виде его закрепляя, правоприменители могут обеспечить грамотную реализацию антиандрогенной терапии.

Список литературы

1. Романовская О. В., Безрукова О. В. Правовое регулирование медицинской стерилизации в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2014. № 2 (6). С. 8–10.
2. Антонова Е. Ю. Педофилия как основание применения химической кастрации: аргументы pro et contra // Вестник ДВЮИ МВД России. 2016. № 2 (35). С. 54–59.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 19.10.2025).

4. Современное состояние преступности, посягающей на половую неприкосновенность несовершеннолетних с использованием сети Интернет. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-prestupnosti-posyagayuschey-na-polovuyu-neprikosnovennost-nesovershennoletnih-s-ispolzovaniem-seti-internet/viewer> (дата обращения: 19.10.2025).

5. Варданиян М. Э., Ленева С. И. Химическая кастрация как способ борьбы с педофилией // Вестник магистратуры. 2016. № 12-1 (63). С. 109–112.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 19.10.2025).

7. Около 2000 детей в России пострадали от насилия в семье в 2024 году // Forbes: сайт. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/501161-za-poslednij-god-v-rossii-soverseno-bolee-100-000-prestuplenij-protiv-detej> (дата обращения: 19.10.2025).

8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних : федер. закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126735/ (дата обращения: 19.10.2025).

9. Хышиктуев О. В., Калашникова В. И. Химическая кастрация педофилов и насильников: зарубежный опыт и возможность его применения в России // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2020. Вып. 2. С. 55–57.

10. Педофилов будут кастрировать за полгода до выхода на свободу. URL: <https://orda.kz/pedofilov-budut-kastrirovat-za-polgoda-do-vyhoda-na-svobodu-407625/> (дата обращения: 19.10.2025).